

Содержание

ОГУ "Этно-культурный центр
Ненецкого автономного
округа"

Литературное объединение
"Заполярье"

Редактор:
Любовь Царькова

Фотографии:

И.А. Лавриненко,
О.В. Лавриненко,
Л.В. Царькова, И.А. Артеева,
П.А. Рочев, А.В. Чупров

© ОГУ "Этно-культурный центр
Ненецкого автономного округа",
2008

© Все авторы, текст, 2008

© Л.В. Царькова, макет, редак-
тирование, 2008

© Д.А. Рочев, Е.Н. Выучейс-
кая, Н.Л. Миловский, рисунки,
2007-2008

*Издание финансировано
из средств бюджета НАО
по окружной целевой программе
«Сохранение и развитие культуры
Ненецкого автономного округа
на 2007 - 2010 годы»*

ЮБИЛЕИ:	
Елизавета Выучейская. С золотой датой	2
Со песнями да баснями: 115 лет со дня рождения сказительницы Маремьяны Голубковой	3
ЛИТЕРАТУРНЫЕ КОНКУРСЫ:	
«Ненецкий автономный округ – XXI век»	4
«Детской сказки добрая страна»	12
ПРОЗА:	
Лукерия ВАЛЕЙ. Шторм во время рыбалки	35
Школа выносливости	37
Сергей ТАРАБУКИН. На улице	40
Инга АРТЕЕВА. За голосом Великого Нума	24
Миниатюры	42
Ирина КОТКИНА. Золушка	14
Коляда	16
Алла ДРОЗДОВСКАЯ. Ты далеко	56
Николай МИЛОВСКИЙ. Zavetnoe slovo	58
Этне. В осколках зеркала я увидел деревья	52
СТИХИ:	
Алексей ПИЧКОВ	4
Прокопий ЯВТЫСЫЙ	11
Инга АРТЕЕВА	6
Галина ТАЙБАРЕЙ	7
Матрена ТАЛЕЕВА	8
Валентина ГОРЧАКОВА	9
Игорь ЛАВРИНЕНКО	19
Лукерия ВАЛЕЙ	34
Ирина ХАНЗЕРОВА	20
Ирина КОТКИНА	18
Николай ЕПИФАНОВСКИЙ	6
Анна ЛАГЕЙСКАЯ	8
Елена АЛЁШИНА	9
Светлана ОПАРИНА	8
СКАЗКА:	
Евдокия САМОДУРОВА. Охота	12
Сергей МИТЬКИН. В лес по грибы	53
ДЕБЮТ:	
Галина ТАЙБАРЕЙ. Стихотворения	30
КНИЖНАЯ ПОЛКА:	
Александр КАНЮКОВ. Сочинения	10
Прокопий ЯВТЫСЫЙ. Избранное	11
Этне. Древние воды	48
Лукерия ВАЛЕЙ. На ладонях тундровых просторов	38
Игорь ЛАВРИНЕНКО. Моим друзьям	19
Валентина ГОРЧАКОВА. У околицы	39
Любовь ЦАРЬКОВА. Ботанические экскурсии	46
ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА	49
ЛИТЕРАТУРНЫЕ СВЯЗИ:	
Галина КАРТАШОВА. Автопортрет, стихи	59

С золотой датой

Выучейская (Езынгова) Елизавета Алексеевна – писательница, автор психоаналитической прозы.

Родилась 15 декабря 1957 года в Нарьян-Маре. В 1981 году закончила физико-математический факультет Ленинградского педагогического института им. А.И. Герцена. 19 лет работала преподавателем в средней школе в с. Великовисочное. Мать трех сыновей. С 2000 г. живет в Нарьян-Маре, преподает физику и астрономию в Нарьян-Марском профессиональном училище № 24.

Много лет главы-рассказы повести «Ягоды можжевельника» илифировались в устном переложении. Она была записана в 2002 году. В 2004-м нарьянмарских газетах выходит около десятка глав из неё и статьи об авторе. «Ягоды можжевельника» издаются небольшим тиражом «по подписке» читателей. К осени 2005 года Елизавета Выучейская закончила второй, еще более объемный роман «Снегурка». 18 ноября 2005 года на заседании выездного секретариата Правления Союза писателей России в г. Арзамасе Елизавету Алексеевну Выучейскую приняли в члены Союза писателей России.

Обе её книги изданы ОГУ «Этно-культурный центр НАО» на средства окружного бюджета.

Талантливый ненецкий прозаик Елизавета Алексеевна Выучейская 15 декабря 2007 года отметила свое 50-летие. Поздравляли писательницу с этой знаменательной датой на вечере, организованном отделом литературного творчества Этно-культурного центра в Ненецкой центральной библиотеке.

Собравшиеся отметили, что почти в этот же зимний день, в разгар полярной ночи, родился знаменитый ненецкий поэт Василий Николаевич Ледков (16 декабря 1933 года). Ему было 25 лет, когда появилась на свет будущая писательница.

Директор НЦБ Алла Ивановна Кожурова вручила Елизавете Алексеевне приветственный адрес и огромный букет цветов, а читатели и коллеги по перу – подарки; были сказаны теплые слова о её творчестве и пожелания, как водится, – новых книг, которые станут вкладом в современную ненецкую литературу.

Елизавета Алексеевна прочитала несколько новых рассказов, как всегда, порадовав слушателей отточенностью литературного слога.

Прозвучали поздравления не только из Нарьян-Мара, Архангельска, но и из Москвы: председатель Правления общероссийской общественной организации «Союз писателей России» В.Ганичев написал:

Дорогая Елизавета Алексеевна!

В день Вашего юбилея горячо поздравляем ВАС, ТАЛАНТЛИВОГО НЕНЕЦКОГО ПРОЗАИКА, АВТОРА ПРЕКРАСНОГО РОМАНА «ЯГОДЫ МОЖЖЕВЕЛЬНИКА», КОТОРЫЙ ПРОНИЗАН ДУХОМ РОДНОГО КРАЯ, ОБРАЩЕН К КОРНЕВЫМ ПРОБЛЕМАМ, ЧУТОК К НАРОДНОЙ ТРАДИЦИИ, ЯВЛЯЕТСЯ ЗНАЧИТЕЛЬНЫМ ВКЛАДОМ В НЕНЕЦКУЮ ЛИТЕРАТУРУ.

МЫ БЛАГОДАРНЫ ВАМ ЗА ВАШУ БОЛЬШУЮ ВДУМЧИВУЮ РАБОТУ С ДЕТЬМИ И ПОДРОСТКАМИ, КОТОРЫМ В НАШЕ СТРЕМИТЕЛЬНОЕ ВРЕМЯ ТАК НЕОБХОДИМО ДОБРОЕ СЛОВО, ЧУТКОЕ СЕРДЦЕ И ОТКРЫТАЯ ДУША.

ЖЕЛАЕМ ВАМ КРЕПКОГО ЗДОРОВЬЯ, НОВЫХ ТВОРЧЕСКИХ СВЕРШЕНИЙ И УДАЧ, БЛАГОПОЛУЧИЯ И СЧАСТЬЯ.

От имени писателей многонациональной России –

В. Ганичев

Маремьяна Романовна Голубкова (1893-1959)
Фото из фондов НОКМ

* * *

Прокатится весна теплая,
Растают снега белые,
Размоют льды сожженные,
Пробрызжут реки быстрые,
Прогремят ручьи глубокие,
Пройдет наша мать-Печора.
Прольется вода вешняя
Вниз по быстери до синя моря,
Поплывут легкие стружечки,
Поедут все во лодочках
На гулянье да на веселье
по вешним тихим заводям
Со песнями да баснями.
Кто сбежит-то с гори вода,
Прибрежуются берега круты,
Приобсохнут луга зеленые,
Разрастутся луга пушистые,
Расцветут цветы лазоревые,
Разнесут духи анисовые,
Раскрасива тогда Печора.

* * *

Мать-Печорушка –
Всем рекам река:
Кто на ней живал,
Тот все сам видал,
А кто не был у нас –
Просим в добрый час,
Не на час, не на денечек, –
Приезжать на годочек,
Хлеба-соли кушать,
Песенок послушать.

Со песнями да баснями...

115 лет сказительнице Маремьяне Голубковой

Выдающейся печорской сказительнице Маремьяне Романовне Голубковой (1893-1959) 1 марта исполнилось бы 115 лет. Она знала и мастерски импровизировала много плачей, причетов, песен, пословиц, частушек и других произведений русского фольклора. В творческом содружестве с Н.П. Леонтьевым Голубкова создала автобиографические книги “Два века в полвека”, “Оленьи края”, “Мать-Печора”, “Слово – силушка большая”. Начиналась её работа со словом в литературном объединении “Заполярье” в Нарьян-Маре. В 1939 г. вышел сборник “Печорский фольклор” Н.Леонтьева, где широко представлено творчество М.Р. Голубковой. Произведения М.Р. Голубковой расцвечены бесценными жемчужинами самобытной русской народной речи. В 1946 г. М.Р. Голубкова была принята в члены Союза писателей.

Знаменательно, что Маремьяна Голубкова была первой в плеяде членов Союза писателей России, уроженцев Ненецкого автономного округа. В 60-х годах прошлого века в Союз писателей приняли также создателей ненецкой литературы В.Н. Ледкова (1962), П.И. Пичкова, А.Ф. Канюкова(1967), потом П.А. Явтысого (1973) и русского писателя А.С. Коткина(1978). Из уроженцев НАО членами СП РФ впоследствии становятся А.В. Чуклин (1999), Е.В. Выучейская (2005) и И.А. Артеева (2007).

Познакомьтесь с некоторыми её стихами из книги “Слово – силушка большая”.

* * *

Посередке тундры Большой Земли
Не пыль в поле подымается,
Нарьян-Мар чудный город разрастается.
Разостроился нов-хорош город
Добрым людям на дивованье...
Из Москвы идет в Нарьян-Мар город
Путь-дорожечка прямоезжая,
Прямоезжая да прямолетная.
Что по этой-то путь дорожечке
Приезжают, приезжают к нам смелы соколы,
Смелы соколы да наши летчики.
Что из наших далеких краев,
Из далеких краев, из больших городов
Приплывают к нам в Нарьян-Мар город
Богатые корабли черненые.
И знают все от старого до малого,
Что стоит на Печоре Нарьян-Мар город.

Маремьяна Голубкова

«Ненецкий автономный округ – XXI век»

Землю, на которой мы живем, воспели классики ненецкой литературы Василий Ледков, Алексей Пичков и Прокопий Явтысый и многие другие наши земляки. Она величественна и прекрасна. Сумеют ли люди сохранить красоту необъятной тундры? Что ждет наших потомков? Эта земля – форпост России в Заполярье. **Пока тут есть постоянное население – здесь будет Россия.**

Конкурс «Ненецкий автономный округ – XXI век» проводил отдел литературного творчества ОГУ «Этно-культурный центр Ненецкого автономного округа». Цель его – выявление молодых литературно одаренных авторов, пишущих о времени и о себе в пространстве географического и духовного этноареала Ненецкого округа на русском, ненецком и коми языках. Участие в конкурсе приняли 20 авторов. Всего на конкурс поступило 15 подборок стихотворений, 10 рассказов и 4 книги, вышедшие в 2007 г. Знаменательно, что по сравнению с прошлым литературным состязанием «Ты в меня поверь» пополнились ряды поэтов, приславших стихи на ненецком языке. Многие из них мы узнали в переводе Лукерии Александровны Валей. Она не только сама пишет на родном языке, но и переводит на русский стихи Матрены Талеевой и Галины Тайбарей. В целом, конкурс собрал 10 ненецких поэтов и прозаиков и это можно считать его главным достижением.

География нашего конкурса - Нарьян-Мар, п. Красное, п. Амдерма, а также поступили произведения от жителей НАО из г. Архангельска, г. Коряжмы и г. Новодвинска.

Победителями стали: в номинации «Поэзия» 1 место получила Инга Артеева, ей же досталось 1 место в номинации «Проза». Второе и третье место в номинации «Поэзия» разделили Игорь Лавриненко и Валентина Горчакова (Пудовкина). Второе место в номинации «Проза» не присуждалось никому, а 3 место заняла Этне (Е.Рочева-Выучейская).

Лучшие стихи и проза лауреатов конкурса будут опубликованы в сборнике «Здесь добром земля согрета». По традиции, туда войдут произведения не только профессионально пишущих, но и самодеятельных авторов. С некоторыми из них вы можете познакомиться в этом альманахе.

Когда в 2005 году закладывались основы окружной целевой программы «Сохранение и развитие культуры Ненецкого автономного округа на 2007-2010 годы», на 2008 год запланировали проведение литературного конкурса именно под таким названием.

НАО – XXI век, отражение жизни округа, да ещё и в форме литературного слога нового века, почему бы нет?

Многое изменилось за три года, но, как говорится, остаются люди и народы, а с ними и литературное слово, которое они создают.

* * *

Уходят в ночь морозную олени,
Копытами в кустарниках звеня.
На крыльях туч приходит вдохновенье
И согревает в эту ночь меня.
И я пишу про звезды ночью синей,
Про горы, что туманятся вдали.
Окраина немеряной России –
Снега моей излюбленной земли.
А дальше море – смерзшаяся пена,
Застывшие не катятся валы.
А я себе не требую замены –
Я как валун у матери-скалы.
Я ни за что на свете не оставляю
ни гор, ни звезд, мерцающих вдали.
Я здесь родился –
Здесь мне жить и славить
России Север,
Дальний край земли.

* * *

Я вырос на твердой земле,
мял жесткие тонкие травы.
На чаячьем белом крыле
закат угасает кровавый.
Плохого он мне не сулит,
смягчаются мрачные краски.
День завтрашний что-то таит, –
наверно, и были и сказки.
Цвети же, родная моя
земля, отогретая летом,
цветок голубой у ручья,
еще не воспетый поэтом.
Пльиви же, листок, по реке –
зеленый желанный кораблик.
на солнце блестят вдалеке
осоки зеленые сабли.
Я сын этой хмурой земли,
чьи блеклые тусклые краски
во мне, как цветы, расцвели
и лучше и чище, чем в сказках.

Алексей Пичков

«НЕНЕЦКИЙ АВТОНОМНЫЙ ОКРУГ – XXI век»

Здесь солнце золотом с небес
Чернит зардевшиеся плечи,
И храмом поднебесным – лес,
Деревья в нем, как Божьи свечи.

Здесь хороводом ветерки
Играя, ласково струятся,
И в гладь зеркальную реки
С небес архангелы глядятся.
И столько в этой красоте
Величия, спокойной силы,
Что после тысячи смертей
Воскреснет вновь моя Россия!

Инга Артеева

Инга Артеева

* * *

Течет неторопливо Янгарей,
А с неба смотрит солнце, как хозяйка,
А на ладонях северных земель
Расположилась наша Каратайка.

Там гуси пролетают над рекой,
С одной лишь только им понятной песней,
На счастье родились там мы с тобой,
Чтобы пройти по этой жизни вместе.

Пусть в день рожденья нашего села,
Забудутся все беды и невзгоды,
Как будто птица счастья принесла
Ему в подарок солнечные годы!

Пусть в этот день звучит веселый смех,
Счастливый и безоблачный,
как в детстве,
Ведь Каратайка – дом, родной для всех,
От Баренцева моря по соседству.

* * *

Опасно дремлет на цветке оса,
Перебирает лапки осторожно.
Июль в зените! Что за милость Божья!
Покрыты нежным хлопком небеса.

Давно бы всех замучила жара,
Но Солнце, желтоглазая актриса,
Задерживает снежные кулисы
И Ветер объявляет нам антракт.

Разноголос, но слажен птичий гам,
В траве хлопочут разные букашки,
Стоят березки в беленьких рубашках,
Весь мир – неповторимый Божий храм!

* * *

Плавно режет твердь небесную
нож крыла,
И горят с земли, как звездочки,
купола.
Дарят, яркие, спасение
от тревог.
То не люди понастроили –
создал Бог.
Нет под куполом сияющим
бед-обид,
Перед ликом покаяние –
Бог простит!
Поднимаю руку грешную
для креста,
Понимаю: все, что здешнее – суета.

Николай Епифановский

* * *

Запоем мы песню, которую
Эхо разнесет над Печорою.
Ветер унесёт в море Белое,
Чтоб услышали нас, где мы не были.
Песню, как живём и как трудимся,
Что невзгоды быстро забудутся,
А ещё про утро прекрасное
И село под названием Красное.

Словно спрыгнув с косогора,
Вновь шумит волной Печора.
Может, у реки, – как эта,
Начинается планета.

И по тундре, светлой, как белый мех,
Песне пробежать совсем не грех.
А ещё до чума, где старый друг
Рассказал про Нума под пляски вьюг.
Дальше мчаться, с ветром споря,
Убегая дальше к морю,
А дорожка в лунном свете
Вновь напомнит нам о лете.

Песня снова к нам вернется,
Радугою улыбнется,
Принесет привет из Шойны,
Где напев наш старый помнят.
В песне уместится округ,
Ближе и родней он стал вдруг.
Так и в жизни с песней надо
Преодолевать преграды.

* * *

Пожелай мне на память удачи,
Чтоб сбылись все мечты и дела.
Чтоб я сладил с любой задачей,
Чтоб любимая рядом была.
Пожелай мне, мой друг, милый Север,
Чтоб тебя не забыл никогда.
Я тебя буду помнить, поверь мне.
Всё, что дал ты – оно навсегда.

Я уехал бы в дальние дали,
Где сияют огни площадей,
Где полярных ночей не видали,
Там, где больше тепла и людей.
Только как, Нарьян-Мар, мне расстаться
С деревянной твоей мостовой,
Мне же некому там улыбаться,
Я же сердцем сроднился с тобой.

Будут сниться полярные ночи,
Свет сияний и посвист пурги,
Северянчек синие очи,
И метель, где не видно ни зги.
Об одном я печалюсь, поверь мне,
Что тебя мне не будет хватать.
Может, что-то и делал неверно,
Ты привык молчаливо прощать.

Моя страна

Моя страна, моё раздолье,
Лугов духмяных благодать.
Её величье, к жизни волю
Никто не смог у нас отнять.

У ледовитого порога,
Где приютился город мой,
Погожих дней совсем немного,
Но есть свиданья под луной.

А в небесах такие краски –
Порой захватывает дух,
Здесь облаков седые маски
И тундры нежный белый пух.

* * *

Что комариный звон,
Когда в душе отрада?
Закат над тундрой –
Божья благодать.
Суровый этот край –
Моя награда,
И я хочу его частицей стать.

Ковер раскинулся,
Каких не ткали.
Взгляни вокруг:
Какие краски здесь.
И заповедные места,
И ширь и дали,
А посмотрев, поверишь –
Счастье есть

Владимир Орлов

Над тундрой

Встречая по весне расцвет природы,
На тундре, вдалеке от городов,
Гнездятся птицы – вестники свободы,
Семейство ястребиных канюков.

Они, родную землю охраняя,
Парят, играя дерзко с высотой,
И любят край, где солнце, согревая,
Гоняет птичьи стаи за рекой.

Где белый лебедь ангелом летает
Над нежной тундрой в небе голубом.
Где тундру птица родиной считает,
Как человек, построивший свой дом.

И наслаждаясь красотой природы,
Питая сердце солнечным теплом,
Взлетает ввысь приверженец свободы,
Которого прозвали канюком.

Галина Тайбарей

Вы некоцяна" е"эмня

Хой некоцяндэй
Ядабцяда янга,
Мирбьяда янга.
Та"нюконда еся"
Илм' иламбиңэй,
Хынотакураха".
Си"ив пэядата
Над" ялямдыңэй,
Хунинда ялэмды".
Си"ив падэрота
Сэр" панымдаңэй,
Паным' мэ"риңавов.
Яля' сандоркана
Самлянҗ сэлхамэй
Ҙаней подертыда.
Харта инда серэй
Тыда тад' хареңгудов.
Сэлха мэтидов
Иридов ибе"ңов.
Хой ё"манов
Ихиндов ханертаңэй.

Нашей землячке

Здесь у дочери тундры
Походка иная и внешность другая.
Звон накосниц ее
На радушье всегда вдохновляет,
Словно песни о счастье звучат.

Семирядие бусинок сложных
Взор летящий ее освещает.
Семь узоров, полосок священных
На панице ее белоснежной,
Как сиянием, радует глаз.

В поддень вновь белоснежных
Запрягает надежно в дорогу.
И рукою своей неустанно
Правит верных своих ездовых,
Умудренных, таких дорогих.

Светлой масти оленя
По тундровым
Просторам безбрежным
Легковесно плывут,
Вдаль хозяйку любовно везут.

Перевод
Лукерии Валей

Матрена Талева

Амдерма

Яв' вархана
Юнета нэсы танеңа.
Тики нэсы ед
Ѓока сё" танияць.
Теда' тедахава"
Ѓэсы' помна ядаб",
Вэвакори вада"
Сата муңдарев,
Няңгад тянарңа".
Ѓарка сайнорма

Ваеравыраха.
Сидяряда харад",
Терсяда харад"
Хибяри товарим'
Ѓатенараха".
Ѓокы мардэ"ня
Ервдо' хая"
Иле"ма ямдо'
Ѓули" ва" лавэдо'
Сава ил' тоб"
Амдерма' нэсы
Ѓани' юнета
Тарем' енава".

Амдерма

На морском берегу
Всем известный
поселок стоит.
Много песен о нем
Улетало со славой в зенит.
Что случилось теперь?
Не находится
добрых тех слов, -

Время всех перемен
Вскольхнуло
основу основ.
Там люгует зима,
Сиротливы
глазницы домов,
Окна настезь ветрам,
Все понятно
без лишних здесь слов.
А хозяева где?
Улетели в чужие края.
И поселок родных
Снова ждет,
свою грусть не тая.
В ожиданье причал,
Тихо плещет морская
волна.
«Вы вернитесь, друзья!» -
Нежно шепчет,
быть может она.

Перевод Лукерии Валей

Анна Лагейская

Благословенная осень

С замиранием сердца я ожидаю
Благословенную осень мою.
Как праздник, ее каждый раз я встречаю,
Про тайны души своей говорю.

Прохлада и дождь, свинцовые тучи,
Грязные лужи и листья у ног...
Скажу, для души моей нету их лучше
Тех дней, хоть наряд моей тундры убог.

Я знаю, с души упадет позолота,
Предстану пред вами такая, как есть.
Все светлые краски осенней дремоты
Во мне оживут, и душа будет цвести.

Светлана Опарина

* * *

Расплескалась зорька алая
По речной волне крутой,
Поднялась туманом сизым,
Села на траву росой.
Воспарилась лёгкой дымкой,
Солнцем жарким обожглась,
Белым облачком по небушку
В край далекий понеслась.
Заигрались с ветром в салочки,
Закружилась голова.
И грибным дождём растаяла
Утра белая заря...

Валентина Горчакова

Костер

У реки

Запеленуто небо, как малый ребенок,
Над застрехой домов прилегли облака.
На Печоре-реке лед, как стеклышко, тонок –
Не добрался морозец до речки пока.

Вместо чаек к реке прилетели сороки,
Видно, весть принесли, но попробуй – пойми.
Для полярной ночи не пришли ещё сроки,
Но не радуют сердце короткие дни.

На крутом берегу всколыхнулась березка,
Ветерок приподнял вдалеке стаю туч,
А под тучей одной заалела полоска,
И блеснул над рекой яркий розовый луч.

В сыром лесу ты разжигал костер.
Гореть упрямец будто разучился:
То вспыхивал, то гас, то чуть дымился...
Но дух огня всё врался на простор!

Учитель опытен, умел, хитер,
Но ученик, увлѣкшись, расшалился –
В мгновенье ока в сердце поселился,
По всей душе он пламя распростер.

* * *

Барашки волн от ветра на реке,
Да снегири красуются на ветках.
Как видно, уж зима невдалеке,
Наряды шьет пред выходом – кокетка!

Отправив уток к югу косяком,
Гуляет ветер, мигом лес раздевший.
Лишь чайки да ворона босиком
Стоят в воде, у кромки опустевшей.

Песчаный холст украсила вода –
Ты смотришь, улыбаясь, на картины.
Я не видала в жизни никогда
Такой улыбки светлой у мужчины.

Елена Алёшина

Судьбе благодарна

Бесконечно судьбе благодарна я!
Посчастливилось мне повидать
Лес берѣзовый с шалью янтарною
И полей изумрудную гладь...
Нежных яблонь наряды жемчужные,
Гор вершины в седых кружевах
И рассветы рубиново-южные
С бриллиантом росы на цветах.

Восхищаюсь пейзажами летними!
Отчего только сердце щемит?
И пусть северный край неприметнее,
Всѣ же он и зовѣт, и пьянит!
Тянет к людям, холодным, завьюженным,
К тундре в ситцевом платье простом!
И к метелям, охрипшим, простуженным,
К рекам, скованным ласковым льдом.

Тундра-матушка! Песнями снежными
Согреваешь меня, бережѣшь!
А глазами миндальными, нежными
Ты мне веры и сил придаѣшь...
Я люблю тебя! Слепо! Отчаянно!
Жить с тобой посчастливилось мне!
...И за этот подарок нечаянный
Я судьбе благодарна вдвойне!

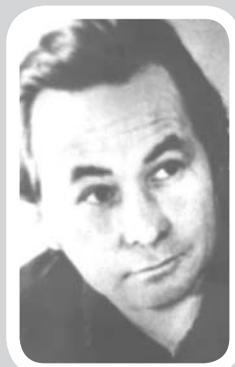

В прошедшем литературном году изданы произведения ненецкой литературы: «Сочинения» А.Ф. Канюкова, «Избранное» П.А. Явтысого; вышли книги авторов нашего литературного объединения: Лукерии Вaley, Этне (Екатерины Выучейской-Рочевой), Игоря Лавриненко, Северины, Валентины Горчаковой и, наконец, два номера детского журнала на ненецком и русском языке

«Пунушка». Готовились к изданию они в Этно-культурном центре и почти все финансировались из средств окружного бюджета по целевой «Программе сохранения и развития культуры Ненецкого автономного округа на 2007 – 2010 годы».

Сейчас отдел литературного творчества ОГУ «ЭКЦ НАО» продолжает работу по подготовке книг, запланированных на 2008 год.

Возвращение к читателям через 40 лет...

Спустя четыре десятилетия слово замечательного ненецкого писателя Александра Федоровича Канюкова (1932 – 1972) пришло к читателям вновь. Книга его «Сочинений» под редакцией Л.Ю. Корепановой готовилась к печати почти год – ОГУ

«Этно-культурным центром Ненецкого автономного округа» и Ненецкой региональной общественной организацией «Общество краеведов».

Редакционная коллегия сборника: Л.Ю. Корепанова, Т.Ю. Журавлева, Л.В. Царькова, Е.И. Вергунова, Е.Г. Меньшакова.

В аннотации «Сочинений» сказано: «Проза ненецкого писателя Александра Федоровича Канюкова – яркое явление в литературе Заполярья, художественный документ эпохи 50-х – 70-х годов XX века, периода революционного «прорыва» кочевых народов «в цивилизацию», к оседлому образу жизни. Рассказы, очерки и репортажи Александра Канюкова печатались в 1959 – 1972 годах в региональных и центральных газетах и журналах. При его жизни отдельным изданием вышли две небольшие книжки «Нюдяко – сын Валея» и «Мой Ясовей».

Кроме них, в «Сочинения» вошли все литературные произведения автора и значительная часть публицистических материалов, печатавшихся в окружной

газете «Няръяна вындер»...».

Составители книги – Т.Ю. Журавлева, Л.Ю. Корепанова, Л.В. Царькова с любовью делали «Сочинения» в год 75-летия писателя.

Главный редактор «Сочинений» – филолог, известный журналист и краевед Людмила Юрьевна Корепанова.

Красивая твердая обложка и хорошая полиграфия – не только эти качества делают «Сочинения» А.Ф. Канюкова изданием российского уровня. Главное, это тщательность составления и редактирования, композиционная цельность, наличие солидного справочного аппарата, прежде всего, – комментариев и библиографии произведений Александра Федоровича Канюкова.

Трудно переоценить значение этой книги для северных любителей литературы, для школьников и студентов, изучающих курс литературного краеведения.

Книга читается легко, на одном дыхании.

Примечательный факт: составителям, «профильтовавшим» (да не по одному десятку раз) каждую букву в ней, книга не надоела! Это исключительный случай. Во время подготовки рукописи, при многократной вычитке и исправлении макета создавалось впечатление, что давно ушедший автор словно помогает из иного мира, – такую энергетику мы получали от его произведений, собирая книгу буквально по фрагментам, ведь в ходе этой работы было сделано несколько сотен снимков колонок старых газет «Няръяна вындер» сорокалетней давности, все это переводилось в электронный вид, не обошлось и без обычного набора текста, который делали все его составители...

Тираж «Сочинений» – 1000 экземпляров. Иллюстрации к книге сделал Дмитрий Рочев.

Корни

Березка на сопке,
как чум невеликий.
Над сопкою –
птичий галдёж стоязыкий.
За ветви цепляются
тучи, – а в дёрне
сплелись и сцепились,
как мускулы, корни.

Березка под ветром
качается, гнётся,
а ветер утихнет –
вновь тянется к солнцу.
Не в силах березку
сломить непогода –
становятся корни
сильней год от года.

Мне эта березка
приходит на память,
когда я стараюсь
под ветром не падать,
когда натыкаюсь
на грубую силу, –
чтоб грязное слово
меня не скосило!

Всё вижу березку
на самой вершине –
уже у ней робости
нет и в помине.
И я становлюсь
всё прямой и упорней:
в земле моей отчей
сплелись мои корни.

Удаль-Печора

Удаль-Печора,
продлав свой путь,
морю седому
плещет на грудь
смех серебристый
и золото зорь,
мол, с голосистой
со мною
не спорь.

Кто из нас краше
и кто посильней?
Ты испокон
пьешь из чаши
моей.

Ты мои песни
ветрам раздаешь,
ты моим голосом

ЗВОНКИМ

поешь
и, подражая
моей быстрине,
небо качаешь
на синей волне.

Перевод

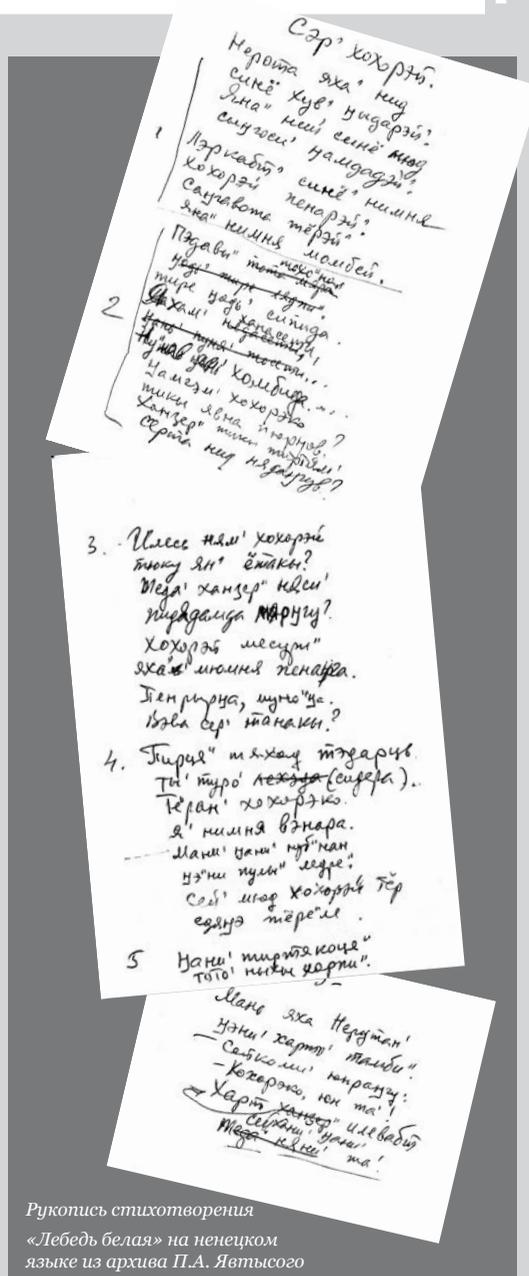
Владимира Гордеева

Выход книги избранных русских переводов стихотворений известного ненецкого поэта Прокопия Андреевича Явтысого – подарок почитателям его творчества, а в их число входит, наверное, большая часть населения нашего округа.

Поэт писал на родном ненецком языке. На русском стихи выходили в переводах разных поэтов, но особо плодотворное содружество сложилось у него с Владимиром Гордеевым из Подмоскovie, его литературного побратима.

«Избранное» П.А. Явтысого составлено на основе выпущенных при его жизни книг. Стихи о тундре, о жизни ненецкого народа, о поэзии, о любви – целый мир сияет всеми красками.

Примечательно, что, стихотворения в сборнике смотрятся по-новому, наполняются иной жизнью и энергией, которая передается вдумчивым читателям.

Рукопись стихотворения «Лебедь белая» на ненецком языке из архива П.А. Явтысого

«Детской сказки добрая страна»

Так назвали ещё один литературный конкурс, объявленный отделом литературного творчества ОГУ «ЭКЦ НАО». Свои способности показали дети и взрослые. Цели проекта – выявление одаренных детей и взрослых, пишущих на русском, ненецком и коми языках; развитие жанра сказки; сохранение лучших народных традиций; поддержка детского и взрослого литературного творчества.

Руководит проведением конкурса ведущий методист отдела по литературному творчеству ОГУ «ЭКЦ НАО» поэтесса Л.А. Валей.

Работы прислали более сорока человек. – детей и взрослых. Конечно, лучшие из сказок читатели увидят в сборнике, который выйдет по результатам этого конкурса.

Евдокия Александровна Самодурова (Валей) – уроженка п. Усть-Кара НАО. Сейчас она живет в д.Городище Котласского р-на Архангельской области, но не забывает родной округ. В наше время часто случается, что прожив долгую трудовую жизнь, человек берется за перо. Так получилось у учительницы начальных классов Евдокии Самодуровой... Она находится только в начале пути, но первые литературные опыты весьма многообещающие. Доброта и здоровое мирозерцание автора – залог настоящего творчества.

Евдокия САМОДУРОВА

Охота

Приехал из города в деревню к деду с бабой паренек Данилка. Был он добрый малый, но что бы он ни делал, все получалось вкривь-вкось. Он старался помогать своим старикам как мог: то дров расколет, то в огороде поработает, то начнет что-то ремонтировать. Но после его усердной работы старики чуть не плакали, глядя на него.

Пойдет на рыбалку – чуть в сетях не запутается, баньку будет топить – чуть ее не спалит, дрова будет колоть – чуть ногу не оттяпает. Старики с опаской наблюдали за его работой, как бы опять чего не натворил.

Бабушка очень любила своего непутевого внука и жалела его: «Отдохни, дитяtko, – говорила сердобольная бабуля, – иди погуляй».

С приближением сезона охоты Данилка все чаще поглядывал на старое дедовское ружье, висевшее на гвозде, и заводил разговоры об охоте. Ведь упросил-таки деда дать ему это ружье, пообещав, что ничего с ним не случится. Соседи над ним потешались, знали, что любая Данилкина затея кончалась или плачевно или забавно.

Увидев рано утром Данилку с котомкой за плечом и старым дедовским ружьем, женщины у колодца гадали, чем эта охота закончится.

– Ружжо-то не потеряй! – кричит ему вслед дед.

– Дитяtko, хоть сам-то не потеряйся, – вторит ему бабка.

– Да, будет вам! – бурчит себе Данилка и весело шагает, мурлыча под нос какую-то песенку.

А дорога вьется серой лентой, манит вдаль. Вот темный бор шумит вдалеке. Вот болото с редкими чахлыми деревьями. Чуть их тронешь, они тут же падают. Тут надо ходить очень осторожно – кругом кочки, мох, пожухлая трава, под ногами хлюпает холодная вода. Так и бойся, что провалишься.

В эту осень клюквы уродилось на радость много. Кто не ленив, с утра до самого вечера пропадает на болоте. Стараются до холодов быстрее собрать эту сочную целебную ягоду. Все кочки усыпаны крупной клюквой, как будто кто-то нарочно опрокинул ведро на кочки. Красота!

А зимой делают из клюквы морсы, варят кисели, компоты или сырком натирают с сахаром – к чаю прекрасное дополнение, просто объеденье. Или же кидай в рот эту сочную ягоду и наслаждайся. Очень целебна эта ягода, вылечит от хвори, от любой простуды. Как выпьешь морс – считай, выздоровел. «Ах, хороша ягода, крупна, сочна, спела», – нахваляют ее люди. Они заготавливают ее впрок: и себе в запас, и в город на продажу. А городские люди по болотам ходить непривычны, вот и покупают себе на здоровье эту целебную ягоду.

Данилка тоже сходил на болото за клюквой, набрал целое ведро да ноги промочил, простудился. А лекарство-то вон оно рядом! Сам собрал, сам лечись!

Милая бабуля переживала за своего внука, отпоила его вкусным клюквенным киселем, попарился он в жаркой баньке да березовым веничком его дед отхлестал – вот и поправился наш молодец. Расцеловал он свою бабулю в обе щеки, какая она у него хорошая! А дед сидит на лавочке и улыбается.

А вот сегодня Данилка идет на самую настоящую охоту. «Настреляю зайчиков, уток. Бабушка сварит целый котелок вкуснятины – пальчики оближешь», – мечтательно думал наш охотник.

Вот и лес дальний. «Тут людей нет, значит, и звери здесь непуганые», – думал Данилка. – Только жаль, что собачку с собой не взял. Хотя и старая она, а по следу бы пошла. Все, начинается охота! Кто не спрятался, я не виноват!

Но его уже заметили. «Ах, эта глупая сорока, будь она неладна, опять шум подняла. Стрекочет и стрекочет, всех зверей распугает!» – думал горе-охотник. Схватил с земли еловую шишку и запустил в нее, стараясь ее отогнать. Она пуще прежнего застрекотала. К ней подлетело еще несколько сорок, и такой шум подняли, хоть уши затыкай. Всю дичь распугали. Вот беда: куда он, туда и сороки. И все стрекочут и стрекочут.

«Не видать мне жареной зайчатины», – сокрушался Данилка.

Устал, проголодался. Присел отдохнуть в тени пушистой ели и огляделся.

Недалеко плескалось синее озеро, и белые облака отражались в воде и плыли-плыли куда-то. Вокруг шумел-гудел лес, чуть покачивались верхушки прямоствольных сосен, красивые листья осинки трепетали на ветру. И сороки куда-то пропали. Стая уток пролетела над водой и скрылась из виду. Какая красота вокруг: небо синее над головой, а воздух чистый-пречистый! Сидел Данилка под елью, глядел на эту несравненную красоту и не заметил, как уснул.

Красные, желтые, зеленые листья рябят пе-

ред глазами, музыка чудесная звучит, нежно лаская слух. Откуда она доносится? Данилка подошел к озеру и от удивления застыл на месте. Стая уток пролетела над ним и плавно села на воду. И начали под эту прекрасную музыку, которой было наполнено все вокруг, кружиться, словно танцевали свой древний танец. Вот это да! Бывает же такое! Плавали-плавали, кружились-кружились, нырк, – и нет их! Вдруг послышался девичий смех. На том берегу, на ромашковом лугу девушки водили хоровод и песню задушевную пели. Да вроде бы он уже слышал эту мелодию. Вспомнил – да его бабуля иногда за работой выводила эту песню, такую задушевную, такую родную. А песня летит над озером. Ёкнуло у Данилки сердце: да это же мои уточки в девушек прекрасных превратились. Не может этого быть! Значит, если бы начал стрелять, то случилась бы беда!

«Ох, ох! – заохал Данилка. – Вот беда».

Девушки заметили его, засмеялись и стали звать к себе: мол, плыви к нам. А Данилке очень понравилась одна из них: чернобровая такая, ясноглазая. Ну, была, не была! И бросился в воду, только брызги в разные стороны полетели.

Сон как рукой сняло! Где это он? То же синее озеро тихо плескалось невдалеке, лес шумел вокруг, осинки трепетали, шевеля красными листочками. Солнце начало клониться к закату.

«Приснится же такое! – Удивлялся Данилка. – Рассказать кому, не поверят, только засмеют, чтобы уточки да в девушек превратились. И хорошо, что не стал стрелять. Да ну, это ружье, отдам бабуле, пусть спрячет от глаз подальше. Не буду больше охотиться!»

И пошел домой. А по дороге нашел целую семейку белых грибов да таких крепких, прямо загляденье. Вот бабуля нажарит грибочков, они лучше зайчатины будут да с луком, да картошечкой, да соленым огурчиком закушу.

До того размечтался, что слюнки потекли. Так есть захотелось и пошел побыстрее домой. Проходил мимо клюквенного болота.

– Много дичи настрелял? – Крикнул ему сосед, осторожно выбираясь из болота с полным ведром клюквы.

– Нам хватит, – уклончиво ответил Данила и быстро зашагал к родному дому, крыша которого уже виднелась вдали.

Всё! Наохотился!

Ирина Валентиновна Коткина родилась в поселке Пасьева Вельского района Архангельской области. Окончила Минский институт культуры. В Нарьян-Мар приехала в 1990 году. Работает заведующей библиотекой Ненецкой школы-интерната им. А.П.Пырерки. Автор стихов и прозы, опубликованных на полосе ЛИТО в окружной газете «Няръяна вындер», в альманахах литобъединения «Заполярье».

«Американский дневник» Ирины Коткиной увидел свет в альманахе ЛитО «Заполярье» № 4, в газете «Няръяна вындер», российской газете «Библиотека в школе» и на сайте международной программы «Открытый мир» <http://www/openworld.gov/>.

В 2005 году эссе о Ненецком округе «Увезу тебя я в тундру» Ирины Коткиной стало первым в интернет-конкурсе «Расскажи о своем регионе». В 2006 году это эссе получило признание и в окружном конкурсе журналистских работ «Этот город сердцу дорог». Активный член ЛитО «Заполярье» и клуба любителей литературы при Ненецкой центральной библиотеке.

Ирина КОТКИНА

Золушка

Старая сказка на новый лад

1 сентября 2007 года на Интернет-форуме международной программы «Открытый мир» стартовал новый конкурс для выпускников программы «Поделись своими успехами»!

Программа «Открытый мир» профессионально ориентирована. Время, проведенное ее участниками в США, было посвящено знакомству с опытом работы американских специалистов в разных сферах деятельности. Вернувшись в Россию, многие из выпускников применили новые знания и навыки в своей работе. Организаторы нового конкурса предложили им поделиться своими успехами и рассказать о том, чего не могло бы случиться, если бы не представился шанс посетить США по программе «Открытый мир»!

Я решила принять участие в конкурсе и разместила на форуме свой рассказ. Победы он мне не принес, но подарил массу положительных эмоций, подружил с выпускниками программы разных лет. Еще раз я убедилась в том, что все в этой жизни делается не зря. Результат любого начинания прямо пропорционален усилиям, затраченным на его реализацию. А еще я сделала некоторые важные для себя выводы, о которых читайте ниже...

Позвольте представиться: Золушка, библиотекарь. Усугублю – школьный библиотекарь. Скажу по секрету, в один прекрасный день мне ужасно наскучила моя профессия и все связанные с ней прелести: пыльные книги и журналы, литературные викторины и диспуты и прочие «милые» мелочи. Что за этим последовало...

Однажды темной ночью, когда все добрые люди уже спали, Золушке не давали заснуть грустные мысли о несостоявшейся карьере и храп мужа Алеши. «Тварь ли я дрожащая или право имею?» – размышляла она цитатами из классиков, а под утро приняла решение: выбросить на свалку истории старые привычки, стереотипы и комплексы и с понедельника начать новую жизнь. «Даешь Прекрасную принцессу из безответной Золушки! Даешь дворец информации вместо унылой библиотеки!» – воскликнула она, разбудив мужа Алешу. К его вящему ужасу с понедельника она действительно начала новую жизнь, а точнее – ударилась во все тяжкие.

Курсы по ликвидации компьютерной неграмотности продолжились в Федерации Интернет образования в Москве. Учеба в библиотечной школе плавно перетекла в поездку на Россий-

скую библиотечную конференцию. Обогащенная новым опытом и знаниями пламенная революционерка рвалась на баррикады.

Не найдя поддержки на родине, Золушка по привычке обратилась к классике и вспомнила мудрые слова сына турецкого подданного: «Заграница нам поможет!»

Первыми «пали» норвежцы из Баренцева региона, вручив на блюдечке с голубой каемочкой четыре тысячи долларов на реализацию проекта по созданию медиатеки. Шикарным рождественским подарком стало приглашение организаторов программы «Открытый мир» посетить с дружественным визитом братский библиотечный народ Америки.

Первоначальное состояние эйфории сменилось легкой паникой. Платья нет, вместо кареты – тыква, а лошади – просто крысы! Чем удивить своих коллег за океаном? Ее медиатека – это компьютер, принтер и телевизор, не считая привычных книг. Опозориться перед иноземцами?! А ежели Принц нарисует, чем его сразить, кроме своей неземной красоты? Срочно пришлось ввязаться в новую авантюру: Всероссийский конкурс школьных библиотек «БиблиОбраз». Подкупало то, что организаторы обещали финалистам золотые горы, кои были стратегически необходимы для развития медиатеки, читай, «защиты интересов Родины за рубежом».

Скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается. Не скажу, сколько точно в граммах было потрачено ненецкой стахановкой нервов и здоровья, чтобы выйти-таки в финал и встать в очередь за обещанным вознаграждением. Изможденная в боях за светлое будущее, с сертификатом финалиста в руках, но пока без денег, девушка с Севера отправилась в вояж по Америке.

Именно там, в школе мичиганского городка Хоутон, где работала ассистентом библиотекаря их гид-переводчик Марианна Тончева, Золушка поняла, как должна выглядеть идеальная медиатека. Много места, много света, удобная мебель, компьютеры с выходом в Интернет, прокат дисков, кассет, телецентр по созданию учебных фильмов. Растрогала до слез комната отдыха для персонала с посудомоечной машиной. Эта библиотека была не единственной увиденной в Америке, но только при виде ее сердце Золушки дрогнуло. Думаю, вам знакомо это чувство, когда среди развала одежды в магазине вы видите «свою вещь», когда в толпе людей угадываете «свою половинку». «Я буду не я», – сказала себе Золушка, – «если не сотворю такое же чудо у себя дома!»

План реконструкции библиотеки под кодовым названием «Барбаросса» не вызвал у директора школы ожидаемого восторга. Территориальные претензии, высказанные в нем,

предполагали:

- насильственное присоединение соседнего кабинета математики для организации абонемента;

- захват фотолаборатории под хранилище учебников;

- отмежевание куска коридора для... а чтобы воздуха было побольше.

Самым кошунственным выглядел пункт по превращению бывшего туалета в комнату отдыха с посудомоечной машиной. «Совет в Филах» в составе директора, его заместителей и педагогов-старейшин после двухчасового обсуждения проамериканских милитаристских планов Золушки частично их одобрил, вынудив исключить важнейший из пунктов – приобретение посудомоечной машины, поскольку последняя ассоциировалась с буржуазной распущенностью и вседозволенностью.

«Лед тронулся, господа присяжные заседатели!» – не удержалась от цитаты наша героиня и со страстью первопроходца ринулась осваивать новые территории. А тут и обещанные сокровища БиблиОбраза подошли. Как и все порядочные женщины, Золушка виртуозно обращалась с деньгами, поэтому полученные шестьсот тысяч рублей она спустила практически мгновенно.

В процессе строительства американской мечты юной пионерке пришлось столкнуться с глухой обороной и открытым сопротивлением. Но стоило вспомнить заветный идеал, силы удваивались, мышцы наливались силой, из груди вырывался боевой рык: «Догоним и перегоним Америку!»

Четыре года после зарубежного вояжа протели незаметно. Унылая библиотека превратилась в современный информационный центр. Много места, много света, удобная мебель, компьютеры с выходом в Интернет, прокат дисков и кассет и, самое главное, – комната отдыха, пусть без посудомоечной машины, но с микроволновкой. Если вы думаете, что здание коммунизма уже построено, вы ошибаетесь. Стремление к совершенству не знает границ. Марианна Тончева держит свою подругу в курсе всех новостей своей библиотеки, Америки и мира. В планах на будущее – телемост, который соединит Нарьян-Мар и Хоутон.

А что же Золушка? Как насчет превращения в Прекрасную принцессу?

Наша героиня приобрела очень важное качество – уважение к своей профессии. Стоило перелететь через океан, чтобы понять смысл русской пословицы: «Не место красит человека, а человек – место». После этой поездки профессиональные амбиции не раз забрасывали Золушку на многочисленные конференции, фестивали, семинары, которые проходили в разных концах страны. Она стала постоянным

автором профессиональных изданий и еще не раз побеждала во всевозможных конкурсах. Немудрено, что после всего этого у бедняжки началась звездная болезнь. К счастью, Золушку быстро вылечили народными средствами: поили чаем с малиной, ставили горчичники и рассказывали сказки на ночь.

Если же вас мучает любопытство по поводу заморского Принца, скажу по секрету, что, глядя на него с пристрастием, Золушка поняла: лучше ее Алеши нет никого на белом свете!

Итак, друзья, позвольте раскланяться. С вами была Золушка, то бишь Прекрасная принцесса. Библиотекарь. Российский школьный библиотекарь!

* * *

Когда б я в Штатах не была,
Не повидала б за границы.
А нынче Белый дом мне снится
И Мичигана облака.

Когда б я в Штатах не была,
Английский кое-как бы знала,
А припекло, я так болтала!..
И понимала иногда.

Когда б я в Штатах не была,
Сидела б на диете строго,
А ведь меня совсем немного,
Там я узнала, что худа!

Когда б я в Штатах не была,
Досель сидела б у корыта,
Теперь же прошлое забыто -
Сама я строю терема.

Когда б я в Штатах не была,
Не разглядела б, право слово,
Что для меня родней родного
Моя земля, Моя страна!

Когда б я в Штатах не была...

Коляда

В один прекрасный день я вдруг отчетливо поняла, что с моей любимой подругой Надей мы не встречались вот уже два месяца. Ежевечерние телефонные отчеты о прожитом дне не в счет. Лично, то есть лицом к лицу, глаза в глаза, мы не сидели рядышком целую вечность! Углубленные в работу, домашние дела и прочие земные хлопоты, мы даже не заметили этого. Но когда безразмерные новогодние каникулы подошли к концу, а мы опять не удосужились увидеться, хором решили – пора принимать срочные меры. Безотлагательно встретиться, и не только друг с другом, но и со всеми нашими близкими людьми, которые так же, как мы, затерялись в бестолковых буднях.

Итак, школа, костюмерная с ее строгой хозяйкой Петровной. Выданы: костюм Петрушки, парик цветной, ненецкий наряд, косы черные накладные. Муж подруги Сергей, привыкший к нашим с Надей фокусам, безропотно развозит нас по знакомым адресам весь субботний вечер.

Коляда-моляда, отворяй ворота!
Тетенька, добренька,
дай куличик сдобненький.
Не режь, не ломай, целиком подавай!
Отворяй сундучок – подавай пяточок!

Это только начало нашего представления. Основательно порывшись в Интернете, нахожу массу колядных и рождественских песен. Отбираю лишь малую часть, остальное – адаптирую к сегодняшнему дню. Частушки про Нарьян-Мар и округ, про большую для всех тему объединения с Архангельском, про нефть, про любовь, про Родину.

Губернатор Киселев
Ради нас на все готов:
Обещал жениться
На Ненецкой столице.

Говорил, что полюбил
Девушку безродную,
А приданое срубил
Нефтемиллионное!

Апофеозом концерта становится песня на ненецком языке. Не знаю, как там насчет акцента, но поем от души.

Давно мы не бывали в гостях без приглашения, но как же нам рады! Подхватывают песни, пускаются в пляс, решительно усаживают за стол с угощением. Спаниель нашей знакомой Ганны начинает подвывать нам в унисон. Это успех! Наш мешок стремительно наполняется щедрыми подарками: тут и «пяточки да гривеннички», и «пирожок сдобненький», и «блин, и сала клин».

23.00. Возвращаемся с добычей домой. По привычке подводим итоги, подбиваем цифры: 16 мини-конcertов; 32 объятия вперемешку с поцелуями, 2 напрочь осипших горла, парик и косы набекрень, в мешке – 1 тысяча рублей, 4 бутылки шампанского, 3 килограмма конфет, 2 банки варенья, 6 деревянных мышей, 3 свежих сига, пироги с морошкой, брусникой и капустой; 6 часов удовольствия и смеха, прекрасного настроения и общения с хорошими людьми. Славно покоядовали!

В понедельник утром в школе встречают вопросами, почему не заглянули к ним. О наших похождениях уже известно (что поделат – маленький город). Обещаем, что уж в следующем году – обязательно!

В библиотеке Сережа Парфенов деловито сообщает, что группа товарищей с ним во главе охватила своим вниманием уже несколько районов города. В красивых костюмах, выданных той же Петровной, с песнями, прибаутками и играми, наши артисты из школы-интерната колядовали несколько дней. Задача была посложней нашей – стучались к незнакомым людям. И

им открывали, их слушали, одаривали конфетами и монетами. Сережа делится опытом, предлагает текст рождественской песни. Записываю – пригодится через год.

Моя коллега Екатерина Николаевна как-то заметила, что в провинциальном городе здоровых людей намного больше, чем в мегаполисе. Выйди на улицу, и с тобой поздоровается, а значит, пожелает здоровья каждый второй. Мы все знаем друг друга если не по имени, то в лицо. В субботний вечер 12 января 2008 года нам пожелали здоровья и счастья так много хороших людей, что их добрыми словами мы будем согреты еще очень долго! Стучите – и вам откроют, любите – и вам ответят взаимностью, распахните свое сердце навстречу жизни – и она заиграет всеми цветами радуги!

Прошел месяц... Мы с Надей опять перешли на телефонно-виртуальное общение. Все! Пора принимать меры!

Февраль 2008 г.

С 1 по 4 июля 2007 года на территории музея-заповедника «Пушкинские горы», что под Псковом, и прошел Первый Съезд школьных библиотекарей России. Сюда съехались около 300 делегатов из 65 субъектов РФ. Был Министр образования Андрей Фурсенко и «другие официальные лица». Мне также повезло стать свидетелем этого исторического события.

Под впечатлением атмосферы, которая царил на съезде и стихотворного духа пушкинских мест, у меня сами собой рифмовались строчки. Так появилось «Письмо делегата Первого съезда школьных библиотекарей России директору школы». Стихи понравились, их просили переписать. В результате, номер российского журнала «Школьная библиотека», посвященный съезду, начинается этим «Письмом».

*Я к Вам пишу, чего же боле...
Что я могу еще сказать?
На съезде я в Пушкиногорье.
Мон Шер, эмоций не сдержать!*

*Я помню чудное мгновенье –
В Тригорском Пушкин встретил нас,
Прочел свое стихотворенье
И артистизмом нас потряс.*

*Узнала, как готовить жженку
И заблудилась в «трех соснах»,
Считала время увлеченно
На старых солнечных часах.*

*Когда почти-что без сознания
Шагала за верстой версту,
Успела загадать желанье
На Поцелуевом мосту.*

*И сам Министр образования
Слова любви мне говорил.
Мои нескромные желанья
Частично удовлетворил.*

*Мы с детства самых честных правил.
На нас стоит святая Русь.
Мы уважать себя заставим!
Друзья, прекрасен наш союз!*

*В Пушкиногорье дуб зеленый,
Листок на память заберу.
Встречайте, еду обновленной.
Библиотекарь. Точка. Ру.*

*Пушкинские горы,
июль 2007 г.*

ПРИЗНАНИЕ В ЛЮБВИ

*Судьба сыграла злую шутку,
Соединив его со мной.
Не сомневалась ни минутки,
Решила сразу – точно, мой!*

*Меня он держит в черном теле,
Я кроссы по утрам бегу,
Из сил последних, еле-еле
В бассейне кролем я плыву.*

*По вечерам в спортивном зале
Среди таких же точно дур
Мячом я руки отбиваю,
Короче, порчу маникюр.*

*Иду на лыжах обреченно,
Сгоняя лишние кило.
Мой лик, пробежкой утонченный,
Все эти жертвы – для него.*

*Хочу все бросить в одночасье,
Зажить спокойно, как в раю.
Но что же делать, вот несчастье,
Жить без него я не могу.*

*Хочу сказать с высокой сцены:
Ты лучше всех, ты высший сорт.
Тебя не оскорблю изменой!
Люблю тебя, мой милый СПОРТ!*

Игорь Анатольевич Лавриненко известен у нас в округе как ученый-биолог, один из авторов «Красной книги НАО» и научно-популярного издания «Живая природа ненецкого автономного округа».

Сборник стихов и песен «Моим друзьям», выпущенный Этно-культурным центром, открывает ученого как поэта. В далеких экспедициях на краю земли героями его стихотворений стали друзья-биологи и геологи, а верной музой – супруга Ольга Лавриненко.

Живописная природа нашего округа, особенно, высокоширотные тундры на острове Колгуев, архипелаге Новая Земля и другие труднодоступные места – предстают перед читателями во всем своем величии и великолепии.

Почти все стихи положены на музыку и звучали не раз вечерами у походного костра.

НОЧЬ ПОЛЯРНАЯ

Ночь полярная, сколько ж ты будешь?
Сколько ждать нам весенних проталин?
Их ни март, ни апрель не разбудят,
Только в мае березки протают.

Все тогда захлебнется весной,
За неделю пройдут ледоходы...
Ночь полярная, где же ты будешь,
Когда хлынут весенние воды?

Света нет, а когда он прибудет,
То неведомо людям и птицам.
Мы не спорим, и кто нас осудит,
Ночь полярная сутки кружится.

Ночь полярная застит окошко,
Только звезды нам холодно светят,
Лишь снежинки ложатся в ладошки,
И мерцают, как капельки лета.

ПРО НАРЬЯН-МАР

Ну что, давай споем про Нарьян-Мар,
Про край песков, край тундры и болот,
Где вольно себя чувствует комар,
А друг мой, Стас, с рождения живет.
И где дома, как будто корабли
Плывут сквозь ночь полярную вперед.
Здесь на краю окраины земли
«Титаник» снова в Арктику плывет.

Ну что, мой друг, давай про Нарьян-Мар,
Где плещется печорская вода,
И ночью освещает тротуар
Как лампочка, Полярная звезда.
А сполохи сияния зимой,
Над городом дрожат как паруса,
И снится мне тогда, что город мой
Фрегатом уплывает в небеса.

И наконец, давай про Нарьян-Мар,
Где есть и «Бутерброд», и «Баязет»,
Про наш особый северный загар,
Про зиму-ночь и долгий летний свет.
Дороги по нетронутым снегам,
По гребням льдами скованной волны.
Но все дороги здесь приводят в Храм,
Иначе для чего они нужны.

А вот теперь, давай за Нарьян-Мар,
За нашенских, как кони, комаров,
За тундру, что дана как Божий дар,
Тому, кто здесь имел тепло и кров.
За ненцев и бескрайние стада
Оленей, пусть голов вовек не счесть!
За нефть, чтоб не кончалась никогда,
За то, чтоб все осталось так, как есть.

Ирина Леонидовна Ханзерова – ненецкая поэтесса, этнограф, собиратель ненецкого фольклора. Родилась 24 декабря 1960 г. в становище Шойна Ненецкого округа.

Закончила Ленинградский педагогический университет им. А. И. Герцена. Вернувшись в округ, около десяти лет работала педагогом. Была корреспондентом передач на ненецком и русском языках в НТРК «Заполярье»; с 2003 года – корреспондент окружной газеты «Няръяна вындер». Член Союза журналистов России.

Публикации стихов, очерков этнографических исследований выходили в окружных газетах. Автор книги на ненецком языке с параллельным русским переводом «Хальмер хасава», и книги на русском «Песня длиною в жизнь». Этнографические исследования опубликованы в норвежских этнографических журналах «Отар» и других. В альманахе ЛитО «Заполярье» № 5 вышли отрывки из ее поэмы по мотивам ненецких эпических песен «Сестра Вэра». Знакомим вас с её стихотворениями, в которых сохранена авторская пунктуация.

Ирина ХАНЗЕРОВА

Молчание

Сон сжимает мне веки ладонью.
И на них проступают узоры:
В полумраке сияние с бездной
Водят споры.

Искры мрак разгоняют, играя,
Тьма дыханьем своим их тревожит
Отличить от падения взлеты
Сон не может.

Лики сна расплзаются в тине,
Липким илом опугано тело;
Распознать где полет, а где пропасть
Не сумела.

Сон приносит из прошлого лица:
Мы друг друга, возможно, встречали.
Вслед за ним выплывают из бездны
Все печали.

Ощущение

Под ногами лёд
– ХРУСТ
Предо мною путь
– ПУСТ
Как бумажный лист
– ЧИСТ
Как призывный клич
– СВИСТ
Припаду к земле
– ВНОВЬ
Под ногами мох
– КРОВЬ
Клюквой брызнет в снег
– СОК
Залпом из восьми
– СТРОК

Ненужное

Под молочно-белым небом
Серым днем, в осенней луже
Лист лежит с письмом ненужным
Жалкий, мокрый и чужой.

На листе с крутым наклоном
Слов цепочки мысли кружат
И привет тому с поклоном
Кто, оставшись непреклонным,
Бросил лист поутру в лужу.

Треплет ветер листья ивы,
И кружат они печально
Над забытым, сиротливым, тем письмом,
Что утром ранним
Человек с улыбкой легкой,
По бульвару пробегая,
Бросил дождевую лужу
Не читая!

Сказка о времени

По дорожкам пурпурного цвета
Бродит ЛЕТО.
В паутинки и росы одето
Наше Лето.
Трели птиц в обрамленья рассвета
Слышит Лето
И купается в солнечном свете
ЛЕТО!

По дорожкам из ягод морошки,
Средь лесов из березок и сосен,
Паутиной дождинок накрывшись,
Бродит ОСЕНЬ

Подпеваает печально гагаре,
Взглядом клин провожает гусиный,
Примеряет багряное платье
Из рябины.

С ветром кружит в прощальном камленье
И пощады у времени просит;
Покрывает сединами иней
Нашу ОСЕНЬ...

Новый лист открывает природа,
И Полярной Звездой хранимы,
На просторы из лунного света
Выйдут ЗИМЫ.

В мир большой темноты погружаясь,
Замирает бурление жизни
На палитре холодного неба
Звезды – бризги.

Вновь к хозяйке подлунного мира,
Повинуясь законам природы,
Духи тьмы собираются дружно
В хороводы...

Отрывок из поэмы «Саля ерв»

(по мотивам самодийского эпоса)

В льдах полярных морей
Разводило костер
Солнце грустное, снегом прикрытое.
Пусть от Белого моря до каменных гор
Ненец ненцу напомнит забытое.

Вьюга песню тоскливо над тундрой поёт,
Снегом сыплет, следы заметая глубокие,
Память сердца по тропке забвенья ведет
За собой оставляя пространства широкие.

Память-песня моя
От огня и тепла
Разогреется, птицей живой встрепенется
От тех давних веков и до этого дня
Перед взором твоим пронесется.

Бубен бьет, приглашая всех в дальний поход.
В мой аргиш запрягу самых быстрых оленей,
Бубен бьет...
Ускоряется времени ход,
С песней-сюдбабц кочую по жизням
Иных поколений.

Вижу свет белых звезд:
Роем в небе кружат,
Свет огня
Прорывается искрами в небо.
Над скалистым обрывом
Наши боги лежат,
Смотрят в небо
И участи ждут сиротливо.

На теперь уж давно догоревшем огне,
Где ни крошки золы не оставило время,
Духи предков опять прилетели ко мне
Чтоб поведать, как жило великое племя.

У прибрежной косы,
Где волна за волной
Злой волчицей кидалась на берег,
Город был удивительный, дивной красы,
Но сейчас мне, наверно, никто не поверит.
Жил народ там лихой,
Каждый воином был,
Каждый метко стрелял,
Каждый землю любил.
Всякий был из породы хороших людей.
Добрый – дарит добро,
Злом карает злодей.
Но добро беззащитно...
Не знающий страх, обречен беззащитный,
Путь земной его краток.
Над тундровым простором в седых небесах
Жаждет крови Лимбя,
Льется кровь куропаток.
Да, всегда говорят,
Правду, друг, говорят:
Зло приходит само ниоткуда,
Где стоял Белый город,
Руины лежат.
Этой страшной беды
Никогда не забуду...

Инга Александровна Артеева – поэтесса, прозаик, публицист. Автор текста «Гимна Ненецкого автономного округа» (2006). Член Союза писателей России (2007).

Стихотворения и проза динамичны, экспрессивны, социально значимы. Кроме авторских произведений, немалое место в которых занимает лирика, Инга Артеева делает по подстрочнику художественные переводы ненецких эпических песен.

Изданы сборники: «Все меняется к лучшему» (1998), «Грани» (2004), «Птица Ханавэй» (2005), «Зачарована небесными высями» (2006); стихи и проза публиковались в архангельском литературно-художественном журнале «Двина», ноябрь-марских альманахах ЛитО «Заполярье» № 4, 5, 6, 7; сборнике «Ты в меня поверь», в газете «Графоман» (г.Вельск).

* * *

Чужие песни за окном,
Да книжки глупые – от скуки...
А мне сегодня снился дом,
С которым я давно в разлуке.
Там потолки невысоки,
Малы некрашенные окна,
Крылечко – три кривых доски,
Так – отчего ресницы мокнут?
Все оттого, что в доме том,
Налив себе в стаканчик чая,
Отсчитывая дни тайком,
Мой человек по мне сучает...

* * *

Пел дождь. Звучала вдоль дорог
Чистейшая из Божьих музык.
А человек стоял и мок,
Своих одежд и мыслей узник.

Дождь о любви к земле взывал,
Он то хлестал, то нежно капал,
А человек мрачнел, ворчал
И нервно погружался в шляпу.

И вот – почти умолк певец.
В финале этой чудной песни
Дождь радугу спустил с небес
И подарил Земле-невесте.

И человек, как в первый раз,
Очки сняв мокрые, заметил:
На каждом листике – алмаз
От радуги цветисто-светел.

И – чудо! Он ворчать не стал!
Вверх посмотрев, где птицы кружат,
Он улыбнулся, туфли снял,
И БОСИКОМ ПОШЕЛ ПО ЛУЖАМ!

* * *

Звездочки с неба глазами синими
В душу уставшую смотрят ласково,
Вдаль поспешили мечты красивые,
Вдаль полетели за снами-сказками.
Скрылись за тучи ветры-рыцари,
Снова луна воцарилась намертво,
Солнышко теплое только снится мне,
Скрыто в безмолвии златокаменном.

Ну, и зачем мы любовь бессмертили?
Ведь на Земле не бывает вечного.
Что тут поделаешь? Мы заметили –
Холод прокрался в глаза доверчивых,
Ложь не приносит уже спасения,
Взгляды любимых – пустынно-каменны...
Нам не дожидаться тепла весеннего:
Хватит ли солнца в сердцах, не знаем мы.

Первые капли холодной осени
Вслед за слезами бегут дорожками.
Так безнадежно снова просим мы
Солнышка теплого хоть немножко бы...
Но не ответит нам солнце ясное,
Долгой зимою уснет, плененное.
Скоро должно наступить прекрасное
Холода зимнего царство сонное.

* * *

Струились дыма хрупкие колечки
И таяли над сумрачной Печорой.
И вот – погас костер. Лишь разговоры
Неторопливо плыли в тихий вечер:

«Ты знаешь, я потерян и безбожен,
И жизнь моя пуста невыносимо,
Любовь, друзья... Все призрачно, все мимо!
Мне скучно жить. И выход невозможен...»

И упоенно девушка смотрела
На этот гордый профиль в лунном свете,

И теребил льняные кудри ветер,
А на щеке – звездой слеза горела.

В траве поникло белой птицей платье,
И лишь луна бесстрастная глядела,
Как до утра она его жалела,
Был мягок воск спасительных объятий.

«Любимая! Мне больно признаваться...
Я утром на рассвете уезжаю.
Но – ты не провожай меня, я знаю, –
Мне будет тяжело с тобой расстаться...
Но я вернусь. Ведь ты – моя! Родная!!
Я лишь твоей любовью жив отныне!
Не предавай меня, моя богиня! Дождись!
Ты – обещаешь?»

– «Обещаю...»

Как горько торопливое прощанье!
Ему под стать – тоскливых чаек песни!
Она уйдет несбывшейся невестой
И будет долго помнить обещанье.
И долго будет вспоминать, как двое
Тонули в пламенеющем закате,
А мысли все о том, что он – предатель
Прогонит. И утрет слезу рукою.

Когда же ей он перестанет сниться,
Она поверит в нового героя,
А он ... придет сюда уже с другою,
И все, начавшись снова, повторится.

* * *

Что-то в сумочке тихо звякнуло...
А! Ключи с именной брелком...
И заныла душа, заплакала:
Далеко от меня мой дом.

Солнце тронуло слезы лучиком,
И растаяла тихо грусть:
Если звякают в сумке ключики,
Значит – скоро домой вернусь!

Этот звон в вихре жизни сумрачном –
Как спасение от кручин:
Все в порядке, покуда в сумочке,
Есть от дома, где ждут, ключи!

* * *

Как стареют зеркала!
Вы не замечали?
Появляются в углах
У зеркал печали,
Время щедро раздает
Зеркалам морщинки:
Отражение мое –
Трещин паутинки.
Приглушили блеск стекла
Серые метели...
Занавешу зеркала,
Чтобы не старели.

* * *

Когда-нибудь все остановится,
Когда-нибудь все прекратится,
И старая дура – бессонница
Твоя в долгий сон превратится.

Но – сбудется все предреченное,
Поднимут архангелы трубы,
И душу, уже обреченную
Разбудят, нещадно и грубо.

* * *

Если есть у тебя любовь -
Сохрани ее на всю жизнь,
В сердце бережно пронеси
Через сумерки будних дней.

Если нет у тебя любви,
Значит, где-то она спешит,
Чтоб хозяйкою навсегда
Поселиться в душе твоей!

* * *

Прощаюсь с тобой,
мое ненаглядное
непостоянное Солнце...

Нагая Земля
живет ожиданием ласк
вечно юного снега.

Хрустальное небо
прозрачно-печально,
как призрачна небыль,

В пустынном лесу
деревья затеяли
странные игры:

Им нравится смерть.
они примеряют ее,
будто страшное платье.

Сидит, как влитой,
тот странный печальный наряд
на осенних деревьях.

И знает лишь старый,
седой, как сугроб,
неприкаянный Ветер:

Не все из деревьев,
примеривших смерть,
пробудятся весной,

Когда из стекла
прозрачных небес
снова выглянет Солнце.

ЗА ГОЛОСОМ ВЕЛИКОГО НУМА

(Начало в альманахах ЛитО «Заполярье» № 6, 7)

12. Второе небо и его обитатели

Путешественники спрыгнули с облаков и огляделись. Впечатление было такое, словно они опять вернулись в Средний мир. Неподалеку виднелись стойбища ненцев, над макоданами чумов уютно поднимались в небо струйки дыма. Мимо путешественников то и дело проскальзывали быстрые нарты с веселыми ездоками. Одна из нарт притормозила возле Мальчика, и в его руках сказался увесистый мешок.

Улыбающийся ненец крикнул:

– Передай главному, это – добрые жертвы, а мне еще надо просьбы насчет хорошей охоты просмотреть!

И уехал.

Мальчик в недоумении смотрел на неведомую посылку. Лемминг и Сова подошли поближе.

– Давайте посмотрим, что внутри, – предложил Мальчик.

– Ты что! Нельзя! Он же сказал – жертва! – остановил его Лемминг.

– Ну и что?

– А то, что там, внутри, жертвенное приношение, скорее всего, для кого-нибудь из духов, и нам никак нельзя совать в него свои носы. Но кому мы должны его передать? Кто тут у них главный? Что скажешь, Сова – круглая голова? – обратился Лемминг к их мудрой спутнице.

По тому, как Сова надулась и подняла вверх свой клюв, было понятно, что она знает, в чем тут дело. Но почему-то не хочет говорить.

– Ну, что же ты молчишь? – поторопил ее Лемминг.

– А чего ты обзываешься?

– Когда я обзывался? – возмутился Лемминг.

– А кто только что сказал – «Сова – круглая голова»? Я же не обращаюсь к тебе: «Лемминг – ни ума, ни денег», или «Лемминг – болтун и бездельник», или...

– Ну, хватит вам! – остановил ссору Мальчик, – Лемминг, ты ведь неправ! Извинись перед Совушкой, да и все! Ведь правда, глупо получилось! Никакая у Совы не круглая голова, а... – И растерянно замолчал, поняв, что сболтнул лишнее.

Сова подозрительно прищурилась:

– А какая? Квадратная, что ли?..

Лемминг нашелся:

– Совушка, она у тебя круглая, но тебе это так идет! Я не имел в виду ничего плохого, когда говорил об этом. И могу признаться... Мне просто всегда было немного завидно... Я бы тоже хотел, чтобы у меня была такая же...

Сова недоверчиво улыбнулась:

– Правда?

Потом хихикнула:

– И ты хотел... чтобы тебе... такую же...

И залилась хохотом. Представив Лемминга с круглой Совиной головой на тощих мышинных плечиках, Мальчик тоже не сдержался и засмеялся – уж больно уморительная была бы картина! Да и Лемминг не отстал от друзей и тоже весело хохотал вместе с

ними. Так глупая размолвка была забыта, ведь стоит посмеяться над обидой, как от нее не останется и следа!

Потом Сова рассказывала друзьям то, что знает о Втором небе:

– Я слышала об этом еще в детстве, от старой-старой прабабушки. Она как раз готовилась уйти на Второе небо. Помню, я, маленькая, плакала о том, что моя любимая прабабушка совсем старенькая и слабая, и скоро умрет. Она же, услышав мой плач, рассказала, что во сне к ней приходил хозяин Второго неба, Илебям Пэртя, и сказал, что теперь не надо ничего бояться. Прабабушка прожила достойную жизнь, и когда закончится ее время в Среднем мире, она будет жить у него, на Втором небе, и помогать принимать жертвенные приношения от людей, чтобы у них была хорошая охота, чтобы родились здоровые дети и не нападали духи болезней. И еще сказал, что так повелел Великий Нум – хорошим ненцам нечего бояться духов смерти, ведь для них смерть – это просто переселение на Второе небо.

Мальчик ужаснулся:

– Ты говоришь – жертвенные приношения? Но ведь это значит, что здесь у нас в мешке – кто-то убитый, кто-то, кого принесли в жертву?

Сова ответила:

– Ты разве не знаешь, что Великий Нум и добрые духи никогда не требовали от ненцев кровавых жертв?

– Нет, мальчишки говорили мне, что жертва – это что-то страшное...

– Ты лучше слушай меня, а не своих мальчишек! Они просто пугали тебя. Да, кровавые жертвы существуют, однако приносят их Мрачному Нга и его приспешникам: Хабця Минрена – духу всех болезней, и Мэд Нга – духу уродов. Но это не добрые жертвы. Их приносят темные люди для того, чтобы у других жизнь разладилась, поразила болезнь или родились уродливые дети... А у нас в мешке добрая жертва для доброго дела.

Тогда Мальчик успокоился и спросил:

– И ты думаешь, что все эти люди, которых мы здесь видели – это хорошие умершие ненцы?

– Ну, да! Когда они вручили нам мешок с жертвоприношением, просто подумали, что мы одни из них.

Лемминг спросил:

– А куда нам теперь с этим мешком?

– Как куда? Тебе же сказали – к главному! Значит, к Илебям Пэртя! – ответила мудрая птица.

– А где же мы его найдем? – не унимался Лемминг.

– Пока пойдем прямо, а по дороге у кого-нибудь спросим.

Так решили друзья и отправились искать Илебям Пэртя – Хозяина Второго неба.

По дороге они не уставали удивляться, как вокруг хорошо и красиво. На пушистых моховых коврах тут и там темнели кочки, богато украшенные морозковыми кустиками. В прозрачных синих озерах весело плескались огромные рыбины. Даже неброские тун-

дровые цветочки и те выделялись на мягких покрывах особенной прелестью.

Долго шли друзья, казалось, никого уже не встретят до самого вечера. Но вот откуда-то уютно потянуло дымком и через некоторое время вдали показалось небольшое стойбище. Избитые дорогой ноги Мальчика и лапы Лемминга и Совы побежали вперед с удвоенной скоростью.

Добежав до стойбища, они увидели нарядные чумы. Нюки у них были из белой сияющей шерсти, и размерами чумы превосходили все, что раньше приходилось видеть Мальчику. Они заглянули внутрь:

– Эй, хозяйва! Ждете гостей или нет?

Внутри ярко горел очаг, вокруг которого сидели веселые ненцы. Они дружно повернули головы на голоса пришедших и приветливо улыбнулись. К гостям подошел высокий Старик.

– В нашем чуме всегда рады гостям. Проходите к очагу, грейтесь, отдохните и расскажите, кто вы и как сюда попали.

Мальчик, Лемминг и Сова с радостью приняли радушное предложение. Усевшись поудобнее, Мальчик только собрался начать о себе рассказ, как в дальнем углу чума послышалась возня и ворчливый голос:

– Как может рассказать о себе тот, кто ничего о себе не знает!

Ненцы почтительно зашептались:

– Дедушка, дедушка проснулся...

Дедушка приблизился к очагу и близко-близко поднес свое лицо к лицу Мальчика. Потом он сказал:

– Так и есть. Это он и никто другой. Только длинный стал да грязный.

Мальчик слушал эти слова, смотрел на Дедушку во все глаза, и у него замирало сердце: откуда ему знаком этот пронзительный взгляд?

Высокий Старик спросил:

– Отец, ты знаешь этого ребенка?

Дедушка приосанился:

– Я знаю весь его род!

Сердце Мальчика захотело выскочить из груди, как резвая птичка. Он схватил Дедушку за теплые большие руки и взмолился:

– Расскажи мне все! Расскажи...

По его лицу текли слезы. Один только Великий Нум знает, как часто Мальчик мечтал об этом моменте, когда найдется кто-нибудь, кто вот так вот скажет: «Мальчик, я знаю, какого ты рода. Пойдем, я отведу тебя к ним». Конечно, он очень любит Отца-шамана и всегда любил, но порой неясная тоска сжимала маленькое сердце и непрошено вспоминался красивый женский голос, который пел:

У ивняковой речки
Стоит высокий чум.
Живут там человечки,
Их охраняет Нум.
Рыбешку добывают,
Олешков все пасут.
Так время коротают
И счастливо живут.

Теперь-то он знал: это во снах и мечтах приходил к нему голос его матери. Поэтому он со слезами просил Дедушку:

– Расскажи, откуда ты знаешь о моем роде...

– Э-э, Мальчик! Я жил в Среднем мире без малого сто двадцать лет, потом попал сюда, на Второе небо, и живу здесь уже лет триста по меркам Среднего мира. Я люблю поглядывать в тундровый мир: что там люди подельивают, как поживают. Я расскажу тебе о твоём роде, но рассказ этот будет долгим, поэтому усаживайтесь и начинайте подкрепляться.

Неожиданно Дедушку перебил Лемминг:

– А с этим что нам делать? Неужели чья-то жертва останется незамеченной?

– Добрая жертва незамеченной не бывает. Жертвоприношения больше нужны людям, чем духам и Великому Нуму. Они и без того все знают. Оставьте ее: тот, кому она предназначена, уже исполняет просьбы жертвующих.

И начал рассказ.

«У ивняковой речки стоял маленький чумик. Он не отличался богатым убранством, но все равно выглядел таким уютным, что так и манил путников зайти и отведать густого ароматного чая с вареньем из тундровых ягод.

Однажды в гостеприимный чум зашел молодой охотник. Его приветливо встретили две хозяйки, бабушка и внучка. Участливо расспрашивая об охоте, они вкусно накормили его и уложили спать в красиво расшитом балагане. Долго не мог уснуть охотник, все вспоминал звонкий смех и добрую улыбку молодой хозяйки.

Девушка тоже не спала, а лежала и думала: «Вот бы ко мне посватался такой парень!». В таких мечтах она уснула и увидела сон. Ей снилось, что молодой охотник посватался к ней, и бабушка дала согласие. И вот уже по бескрайним просторам мчат их нарядные свадебные сани. Но вот их свадебный поезд накрыла черная тень. Молодые подняли головы: во все небо расплостало черные крылья страшное чудовище с головой молодой женщины. Страшное видение потянуло когтистые лапы к горлу девушки и заорало:

– Не тронь моего жениха! Не видать тебе с ним счастья! Он еще до рождения мне обещан!

Когда ужасное видение почти дотронулось до шеи, девушка в ужасе проснулась, и не сомкнула глаз до утра.

Охотник покинул чум еще на рассвете, даже не попрощавшись. Бабушка поворчала да и забыла неблагодарного гостя, а девушка почти каждый день с горечью вспоминала свой ужасный сон. А между тем мечты об охотнике все не шли у нее из головы. И как она их ни гнала, ничего не могла с собой поделать.

Как всем известно, Великий Нум никогда не оставляет без ответа мольбы хороших людей, пусть ни разу и не высказанные вслух. Как-то девушка собирала на болоте ягоду. Она присела отдохнуть, а корзинку поставила рядом с собой. Вдруг, как будто мимо пронесся маленький вихрь, и корзинки не стало, и только прочь по болоту неслась маленькая собачонка. Послышался голос ее хозяйки:

– Авко, ко мне! Ну, где же ты?

Голос показался девушке знакомым. Счастливое предчувствие заставило ее поспешить за собачкой, и сердце не обмануло. Навстречу по топкому болоту широкими шагами, сжимая в руках ее корзинку, шел тот самый охотник, а за ним следом семенил разбойник-Авко. Молодой охотник узнал красавицу

из маленького чума, и смущение красными пятнами проступило у него на лице. Он сказал, сжимая руки девушки: – Я не хотел тогда так сразу уходить... Я вообще не хотел уходить...

Она увидела в его глазах то, что мечтала увидеть, и не дала договорить:

– Но ведь теперь ты никуда не уйдешь?

– Нет, никуда...

С тех пор они встречались каждый день на этом болоте, смеялись, любовались друг другом и без конца говорили. Обо всем. Почти. Как ни старалась девушка, как ни спрашивала, возлюбленный ничего не говорил о том, откуда он, из какого рода. За этим скрывалась какая-то тайна. Тут-то и вспомнила девушка свой сон. Не подозревая ничего страшного, она рассказала о кошмаре охотнику. С тревогой выслушав ее, он вскочил на ноги и в ярости зашагал из стороны в сторону:

– Эх, что за проклятая у меня жизнь! Пропавший я человек!

– О чем ты так горюешь? Кто это являлся мне во сне? – спросила испуганная девушка, которой до боли в сердце было жалко любимого и она не знала, чем ему помочь.

Со слезами он рассказал ей:

– Это случилось еще до моего рождения. Мать уже зачала меня и пошла к шаману, чтобы узнать, сына ждать или дочь. Шаман только посмотрел на нее, и закричал: «Уходи скорее, не могу видеть этого урода!» Мать в слезах ушла и рассказала все отцу. Отец пошел к шаману, чтобы узнать, что теперь делать. Шаман сказал, что помочь может только Дух уродов Ид Мэдна. Но он не будет помогать просто так, а обязательно что-нибудь попросит взамен. Отец махнул рукой: «Будет, что будет, лишь бы сын здоровый родился». И пошел к Смраднему болоту, где можно было вызвать духа уродов, Ид Мэдна... Тот пришел на зов почти сразу.

– Я знаю, чего ты хочешь. Но и ты меня пойми: я такой же отец как и ты. Если твой сын родится нормальным ненцем, у моей дочки никогда не будет мужа. Он не захочет жениться на ней, а заставить силой мы, злые духи не может, ведь вас охраняет ваш славный Нум!

– Вот тебе мое слово, Ид Мэдна. Если мой сын не женится на твоей дочери, не видать мне внуков и правнуков в этом мире!

– Значит, женится, говоришь?

– Иначе не видать мне внуков...

– Это я уже слышал. Что ж, клятва страшная, придется поверить. Иди к жене, пусть не боится. Он будет нормальным ненцем, но – моим будущим зятем, – и, захохотав, опустился в Смрадное болото.

Вернулся мой отец к матери, и рассказал ей все, слово в слово. Поплакала мать, но – делать нечего. Что дальше будет – все Нум рассудит, решили мои родители. А теперь я встретил тебя, а она напомнила мне о себе. Придется возвращаться в свое стойбище и идти на Смрадное болото... – Сказал и горько заплакал.

– А ты не ходи! – горячо прошептала ему девушка, – мне бабушка говорила что есть в тундре место, куда не могут попасть злые духи, оно ближе всего к Седьмому небу, где живет Нум. Мы уйдем с тобой туда, и они никогда не достанут нас!

Охотник потрясенно смотрел на девушку:

– И ты не боишься?

– Кто любит – ничего не боится, кроме как остаться без любимого.

Они решили тут же рассказать все бабушке. Бабушка поплакала, что остается без внучки, но девушка тут же пообещала ей, что как только они найдут место, где Средний мир почти касается Седьмого неба, сразу приедут за ней. Старушка успокоилась и благословила их. На следующий день они отправились в дорогу.

Время шло, а от детей все не было известий. Голова бабушки белела и все ближе к земле наклонялось усталое тело. Почти год искали девушка и охотник заветное место. Спрашивали у старых людей, спрашивали у шаманов, шаманы говорили с добрыми духами и приносили жертвы Великому Нуму. В этих странствиях у них родился первенец. Наконец почти на самом краю света они нашли место, куда не было хода злым духам. И едва устроившись, как и обещали, отправились за бабушкой, прихватив с собой ребенка. В пути на их аргиш налетел страшный ураган. Злой ветер перевернул нарты, и люди выпали на снег. Ничего не было видно, ничего не было слышно, только завывал в ушах ветер, и охотнику сквозь этот вой как будто послышался голос: «Пришло время твоему отцу сдержать свое слово! Он никогда в этом мире не увидит внука!» С ужасом Охотник стал выкрикивать имена жены и сына, но только вой злого ветра был ему ответом.

Внезапно все прекратилось. Охотник открыл глаза, почти ослепшие от снега, и увидел силуэт жены. Она бегала по заснеженной тундре и звонко выкрикивала имя их ребенка. Охотник понял: голос, который он слышал – голос Ид Мэдна. Злой дух забрал то, что ему причиталось. Долго и безуспешно родители искали ребенка, но нигде его не было. Шатаясь от горя, они отправились дальше в путь.

Почти следом за ними ехал Шаман. Он громко пел песню – заклинание от власти злых духов, чтоб те не заморочили его по дороге домой, и не увели его в сторону от пути, как бывает порой с охотниками и рыбаками. Эта песня и спасла тебя, Мальчик! Колдовство Ид Мэдна не подействовало на Шамана, и он услышал из-под снежной пелены твой отчаянный писк. Так ты оказался живым и нашел нового Отца.

А про Охотника и его жену я тебе пока больше ничего не скажу. Скоро ты сам все узнаешь...

И хитро прищурился и без того не круглые глаза, девушка Илебям Пэртя (а это был именно он) спокойно стал пить свой чай, не обращая внимания на мольбы и уговоры ребенка рассказать еще хоть что-то.

А на другом конце чума Лемминг и Сова рассказывали о своих приключениях. Добрые ненцы только удивленно разводили руками: «Вот ведь как!». Но скоро дневная усталость дала о себе знать, и все разошлись по уютным балаганам спать.

Мальчику до утра снились родители: красивая женщина с черными длинными косами и плечистый сильный Охотник. Они улыбались ему, а женщина все время повторяла: «Какое счастье! Слава Великому Нуму, что ты жив, наш Мальчик!» И Мальчик улыбался во сне.

Один – на Третье небо

Наутро золотистое облако влажной прохладной ладошкой потрепало Мальчика за плечо: пора было отправляться в путь. Лемминг и Сова не могли двинуться с ним, потому что без особого разрешения Великого Нума ни тотемные, ни, тем более, простые животные не могли подниматься выше Второго неба. Мальчик горячо попрощался с ними и отправился в путь.

Третье небо не было похоже ни на что из того, что Мальчику приходилось видеть прежде. Не было ничего – ни сопки, ни холмов, ни тундры. Прямо на облаках повсюду стояли огромные странные деревья. Мальчик и подумать не мог, что дерево может быть таким большим. В его родном стойбище росли лишь кусты карликовых березок, которые едва достигали до колена взрослому ненцу. А эти! Даже не было видно, где они кончаются. Деревья были не одинаковые: у одних в разные стороны топорщились ветки, как косы у неприбранной женщины, у других гладких ствол венчала разлапистая макушка, а третьи были почти совсем лысые.

– Что это значит? – спросил Мальчик, и тут же услышал:

– Это ты сам у себя спрашиваешь?

Мальчик, уже привыкший ко всяким чудесам, в том числе и непонятно откуда берущимся голосам, не испугался, а храбро ответил:

– Если человек задает вопрос – значит, не знает ответа, – зачем бы я стал спрашивать у себя то, на что у меня нет и не было ответа?

– А ты – достойный сын Шамана! Храбрый и неглупый! – похвалил его голос. Мальчику было приятно слышать это. Он ответил:

– Правильно, у сын Шамана. А ты кто? – поинтересовался он у невидимого собеседника.

– Мне нелегко ответить на твой вопрос, потому что ты, скорее всего, не поймешь моего ответа. Я не человек, это точно. Но и не совсем дух. Для того, чтобы понять, кто я, надо обладать не человеческим разумом. В человеческом мире нет слов, чтобы объяснить, кто я, – сказал голос.

– Хотя бы скажи, как мне тебя называть, – предложил Мальчик.

– А зачем тебе меня называть?

– Ну, например, позвать, если захочу тебя о чем-то спросить.

– Не надо меня звать. Просто спроси, и я услышу.

– А если ты вдруг отойдешь?

– Куда же я сам от себя отойду?

– А! Я понял! Ты и есть – Третье небо! – воскликнул Мальчик.

– Если хочешь, можешь называть меня и так, – просто сказал голос.

– Хорошо, Хозяин Третьего неба. Теперь скажи мне, отчего в твоём саду деревья какие-то глупые, неодинаковые? Разве было бы не красивей, если бы они все были похожи одно на другое? – он показал на одно из деревьев, самое косматое, – почему ты не подрежешь ветки вот этому чудовищу, например? – и дотронулся рукой до ветки.

Тут же невидимая сила отбросила его от дерева и загремел голос:

– Никогда не прикасайся к этим деревьям! Это

– не простые растения! Каждое это дерево – судьба человека, живущего в Среднем мире!!

Мальчик удивился:

– Ух ты! Как это может быть? – задумался он, – А! Сейчас сам угадаю! Вот эти, неприбранные – это судьбы старых людей, а вот эти – лысые – принадлежат детям.

– Вот и не угадал! – сказал Хозяин Третьего неба, – Все совсем наоборот, – и мягко подтолкнул Мальчика к неряшливому дереву, – Смотри.

Мальчик увидел, что веточки у дерева – все разные: одни красивые, ровные, и как будто светятся изнутри зеленым и голубым светом, а другие – корявые, скрюченные, некоторые совсем черные, некоторые коричнево-серые, тухлявые.

Хозяин Третьего неба сказал:

– Тот, чье это дерево, родился в Третьем мире три дня назад. Судьба его может сложиться по разному. Будет у него хорошая семья, заботливые родители, научат они его, как правильно жить – и отомрут эти тухлявые ветки. А если будет у него нерадивая семья, то хороших веточек, добрых поворотов судьбы станет меньше. Внутри каждого из этих деревьев течет ручей судьбы, какую ветку выберет, сам того не зная, человек в Среднем мире, туда и течет ручей. Видишь, у малыша еще много путей в жизни – может он стать умным, добрым, а может и злым и хитрым. Тогда все его дерево будет один тухлявый ствол, один недобрый путь... Пролетит по Третьему небу Птица Ханавэй и ломает его. Тогда умрет на земле этот человек, не оставив ни в одном из миров о себе доброй памяти.

Мальчик спросил:

– А разве ты не можешь обломать все эти тухлявые ветки, чтобы у человека была хорошая счастливая жизнь?

Хозяин Третьего неба ответил:

– Все не так просто, Мальчик. Вот скажи – всегда ли ты в жизни выбираешь сразу верный путь? Всегда ли ты говоришь, например, только правду? Вспомни-ка историю с ножом Отца-шамана?

Мальчик покраснел. Больше года назад, прошлой зимой, он тайком взял у Отца-шамана нож с разноцветной рукояткой. Играя в тундре, он и не заметил, где выронил его. Долго в тот день он не возвращался домой, все искал в снегу красивый отцовский нож. Так и не нашел. Когда же он вошел в чум, отец сидел у очага на корточках. По его лицу гуляли красные отсветы пламени. Они плясали у него на скулах и отражались в глазах. От этого он казался рассерженным. Мальчик испугался и ... выпалил:

– Я не брал твой нож! Это не я!

И тут же понял, что сам себя выдал. И признался удивленному Отцу в том, что совершил. Отец обнял и успокоил его:

– Ты правильно поступил, что рассказал мне правду. Если бы я узнал ее не от тебя, мне было бы очень плохо.

С того времени Мальчик запомнил, что правда в конце концов всегда побеждает любой, даже самый сильный и справедливый гнев.

Хозяин Третьего неба продолжал:

– А ведь твой плохой поступок, когда ты взял нож, это и была та гнилая ветка, которую ты предложил удалять. Выходит, что и плохое может послужить хо-

рошему.

– Хозяин Третьего неба! Вот ты говоришь что когда Птица Ханавэй рушит трухлявое дерево судьбы плохого человека, то он умирает. А что происходит с деревьями судеб хороших людей?

– Ты сможешь это увидеть. Сегодня как раз очень хороший, очень старый человек живет в Среднем мире последний день, а ночью переселяется на Второе небо. Вот его дерево.

И Мальчик увидел красивый ровный ствол, без одного изъяна, уходящий в невидимую высь.

– Как только в Среднем мире ночь сменит день, мы еще придем сюда. А сейчас – смотри!

Мальчик увидел дерево, достаточно лохматое, но все ветки на нем были чистые, без гнили и трухи. Хозяин Третьего неба сказал:

– Еще совсем недавно это дерево было такое же, как у всех детей. На нем было поровну хороших и плохих веток.

– А что случилось потом? – спросил Мальчик.

– А потом ребенок, чьей судьбы это дерево, принял самое важное решение в своей жизни. Он решил помочь своему народу, хотя знал, что может лишиться жизни! В тот момент, когда он решился на этот поступок, все плохие ветки с этого дерева исчезли, как исчезает весной на тундровых болотах снег.

– Ух ты! Молодец какой! Хороший он, наверное, человек, – похвалил Мальчик, и тут же опять задумался, – значит, теперь он всю жизнь может не бояться, что с ним случится что-то плохое, что он примет неправильное решение, выберет не тот путь? Ведь все черные повороты судьбы пропали?

– Хитрый мальш! – засмеялся Хозяин Третьего неба, – это было бы слишком просто. Конечно, нет. Деревья судьбы меняются каждое мгновение. Как только человек совершает что-то плохое или хорошее на земле, дерево судьбы меняется. Если этот мальчик, чье дерево перед тобой, будет хитрить, или злится, или, например, снова возьмет у отца что-нибудь без спросу – появятся черные повороты судьбы, а свежие ростки начнут отмирать.

Мальчик вдруг понял:

– Ты сказал «возьмет без спросу у отца»! Совсем, как я! Это... это мое дерево!

Хозяин Третьего неба просто сказал:

– Да, это дерево твоей судьбы.

– А ты можешь показать мне дерево моего Отца-шамана?

– Нет, дружок, этого я сделать не могу. Деревья судеб шаманов находятся в особом месте, в саду Птицы Ханавэй, и никому из духов нет туда хода. Я знаю, что они выглядят не так, как эти. Одна половина у них белая, как зимнее солнце, а вторая – черная, как следы костров на старом чумовище.

– А почему так? – спросил любопытный Мальчик.

– Потому, что судьба Шамана состоит поровну из добра и зла, и шаман не может, как простой человек, менять что-то в своей судьбе, ведь она ему не принадлежит. Все уже решено за него, все предначертано.

Сердце Мальчика сжалось от жалости к Отцу-шаману. Хозяин Третьего неба, словно почувствовал это, сказал ему:

– Каждый шаман знает об этом. Быть Шаманом – великая честь. Она приносит огромную власть, но

как любая власть – это тяжелая ноша.

– А что это за Птица Ханавэй, о которой ты все время говоришь? Откуда она взялась?

– Она появилась так давно, что не только ненцы, но и многие духи думают, что она была всегда. Однако это не так. Я знаю эту историю.

Легенда о птице Ханавэй

Было время, когда брат Великого Нума, Мрачный Нга, еще жил вместе со старшим в Верхнем мире. Нижнего мира не было. Да и Средний мир Великий Нум еще только заканчивал. Он выткал мягким красивым мхом пустую до того землю. Получалось красиво. Зеленые тундровые поляны Великий Нум щедро изукрасил белым ягелем, чтобы олени всегда были сыты и люди не знали бед.

Нум с любовью к людям создавал каждую травинку: одна такая тоненькая, с мохнатой белой шапочкой на голове, а другая похожа на крошечную елочку: упругая и ершистая. Нум подумал и посадил на «елочки» гроздь черных сочных ягодок, чтобы ни один ненец в тундре не испытывал жажды.

Это потом, через много веков, ученые, исследующие занятную тундровую флору, дадут созданному в тот день тысячи названий. Нум же не думал об этом. Он просто украшал землю для того, чтобы расселить на ней ненцев. Так заботливая мать украшает люльку ярким сукном, сияющими оберегами из меди и бронзы, чтобы уложить в нее свое дитя.

Нум любовался ярко-голубыми пятнами озер, в которых плескалась жирная рыбешка, когда к нему сзади подошел младший брат. Нга спросил:

– Для кого ты так стараешься?

Нум улыбнулся:

– Я же рассказывал тебе, Нга! В этом мире будут жить люди. Смотри, как красиво! Они будут счастливы, – с гордостью за свою работу произнес Великий Нум, – но отчего ты так смотришь на меня, брат Нга?

Тот недобро сверкнул глазами:

– Ты делаешь это не от чистого сердца! Ты просто хочешь, чтобы тебе поклонялись, не так ли?

Нум растерялся. Ему никогда не приходило в голову, что его деяния можно так истолковать. Он грустно сказал:

– Мне жаль тебя, Нга. Ты во всем видишь только дурное. Ты никогда ничему не радуешься. Вся твоя жизнь раскрашена в черные цвета тобой же самим. Даже не знаю, как тебе помочь...

Нга стоял, сжав кулаки. Он ощерился, как волк и прошипел:

– А с чего ты взял, добренький ты наш, что мне нужна твоя помощь? Я с чем угодно могу справиться и без тебя! Если хочешь знать, я и творить живое могу не хуже тебя!

– О чем ты, брат?

Нга только хищно усмехнулся:

– Скоро узнаешь!

И сердито зашагал прочь. А Нум вдруг вскрикнул от неожиданности: его больно ужалил с кто-то жужжащий, противно вцепившись в нос шестью черными лапками. Нум помахал руками и прогнал неведомую тварь. Боль от укуса скоро прошла, но

остались недобрые предчувствия. Однако занятый обустройством и расселением Среднего мира, Нум вскоре забыл о них.

Жизнь в Среднем мире налаживалась. Ненцы расселились. У каждого рода был свой идол – оберег. Множество добрых духов еще жили среди людей и подсказывали, как поступать в разных случаях – люди-то мало что еще умели. Главным среди этих духов, отвечающим за жизнь людей, был Никола Мутратна. Однажды он пришел к Великому Нуму в большой тревоге:

– Великий Нум! Я пришел тебя огорчить. Из Среднего мира все чаще слышатся жалобные жертвенные песнопения. Людей одолевают беды. Они стали гибнуть в твоих быстрых реках. Те из них, которым удалось спастись, рассказывают, что их вместе с лодкой утягивал на дно безобразный ненец с глазами, зелеными, как тина. Зимой люди сбиваются с дороги, их кружат на месте какие-то туманные ветра, из-за которых они не видят пути...

Слушая это, Нум как будто чернел от горя. Он с такой любовью создавал этот мир, он все так тщательно продумал! Откуда такие беды? Он в ярости закричал на Николу Мутратна:

– Почему мне никто ничего не сказал раньше?!

– Ты же сам велел тебя не беспокоить! Твой брат, Нга, сказал, что ты очень долго будешь серьезно занят...

– Ах, вот что! Безумный! Как ты мог поверить этому лжецу!

Никогда за всю вечность Никола Мутратна не видел улыбчивого доброго Нума в таком бешенстве! От этого гнева потемнели все семь небес Верхнего мира, а в Среднем мире все стало унылым и серым и заморосил тоскливый дождик, как слезы великого Нума. Сам же он шел к стойбищу мрачного Нга.

Он застал брата за сотворением гадкой твари: черная слизь струилась по телу мерзкого существа, пустые глаза нагло сощурились на вошедшего. Омерзительно пискнув, тварь шмыгнула под ноги Нуму и выскочила из чума.

– Что это? – глухо спросил Нум у своего единственного брата.

– Это ерунда, дух болезней. Я создал таких уже много. Сейчас посмотришь, будут ли твои люди тебе так уж благодарны. Они гибнут в реках, замерзают зимой во время кочевий, летом их и их оленей пожирает мое лучшее изобретение – гнус. Смотри!

И Нума облепили крошечные черные мошки, жаждущие насосаться его крови. От них не было отбоя: они лезли в глаза, забивались в рот, нос, под одежду. Но Нум одним резким движением очистил себя от гнуса.

– Себе-то ты помог! – ехидно произнес братец, – а им ты сможешь помочь?

И, выйдя из чума, повел Нума к воротам в Средний мир:

– Полюбуйся!

Люди катались по земле, махали руками и выкрикивали в небо страшные проклятия. Они проклинали того, кто создал этот мир для них, и их самих. Они проклинали Великого Нума.

– Ну – видишь! – злорадно смеялся мрачный Нга, – я создал ненависть к тебе, вот что главное. Я ведь твой брат и знаю то, что не дано знать этим глупым

людишкам: ты бессилён помочь тому, кто не просит твоей помощи. А они давно не о чем тебя не просят, они тебя проклинаят!

Нум закрыл лицо руками. В тот момент он жалел о том, что вечен. У божества нет смерти – такова его доля.

Нга заглянул Нуму в глаза:

– Ведь теперь я победил тебя? Признай это. Теперь это МОЙ мир, такой, каким Я хочу его видеть. В нем будут царить боль, ужас и смерть. Благодаря моим слугам, злым духам, созданным мною во множестве, люди узнали имя своего нового повелителя – МОЕ имя! Они будут поклоняться МНЕ, дрожа от страха, приносить МНЕ мольбы и жертвы. А тебя будут вечно проклинять. Это ты обрек их на такую жизнь. Я уже внушил им это.

Сердце Великого Нума беспощадно терзала острыми когтями черная птица отчаяния. А Нга продолжал:

– Чего ты добился своей любовью? Люди не могут долго любить. Их страх сильнее. И он – вечен. Но ты не заешь главного. Те злые духи, беды и болезни – это не главное из того, что я создал. Я сотворил идеальный мир. Мир уныния и тоски, ужаса и отчаяния.

– Замолчи! – взмолился Нум.

– Да! Что рассказывать! Ты сам все увидишь.

И они перенеслись в мир, созданный мрачным Нга. Отвратительные твари кишели здесь повсюду. Везде царил, и он переждал отчаяние и ужас. Было холодно, ведь лучи созданного Нумом солнца никогда не проникали сюда.

Нга торжествующе захохотал:

– Скоро весь мир станет таким!

С гневным изумлением Великий Нум разглядел, что среди омерзительных духов находилось немало созданных им людей. Сейчас они все подошли к ним и поклонились Нга. Один из людей, ненец с хитрыми глазами и особенно гадкой ухмылкой на лице, обратился к Нга:

– Хозяин! Твоих приспешников становится все больше. Мы всем рассказываем о богатстве и власти, которые ты нам раздашь, когда этот мир будет нашим! Лишь немногие жалкие дураки отбрыкиваются! Но у них мало пищи и чистой воды, долго они не протянут. Что еще прикажешь сделать? – и угодливо склонился перед хозяином.

– Схватите его! – приказал Нга и указал на Нума.

Никто из предателей не узнал в этом почерневшем старике в серой малице прежнего Великого Нума. Он лишился своего сияния. Прислужники мрачного Нга с готовностью схватили того, кто еще недавно был Великим Нумом.

– Отнесите и бросьте его в самое глубокое озеро – Озеро Забвения. Там ему теперь место.

Нум как будто одеревенел. Увидев предательство его дорогих детей, людей, он словно ослеп и оглох от горя. Нум погрузился на самое дно Озера Забвения и остался лежать там.

(Окончание следует)

Галина Григорьевна Тайбарей – ненецкая поэтесса. Пишет стихи и прозу о родном крае и традиционной культуре на ненецком и русском языках.

Родилась 07.02.1954 г. в д. Хабарово НАО. Детство прошло в д. Чёрная Большеземельской тундры. После окончания филологического факультета Ленинградского института им. А.И. Герцена (1980) начала свой трудовой путь в Волоковской восьмилетней школе учителем русского языка и литературы. С любовью относилась к своим воспитанникам, будучи воспитателем Ненецкой школы-интерната им. А.П. Пырерки в Нарьян-Маре. Была учителем ненецкого языка той же школы; преподавателем ненецкого языка и методики его преподавания, истории культуры народов Крайнего Севера в Нарьян-марском социально-гуманитарном колледже им. И.П. Выучейского; заочном отделении СГК и ПГУ им. М.В. Ломоносова; преподавателем ненецкого языка в НЗВТ.

Галина ТАЙБАРЕЙ

Вы' тер неkotяpxa

Илковэй, илувэй хой' тер неkotяpэйpaxa.
Тарем' хаepкoдapeвэй маймбаңэй
Немакoриxинанэй падейтана выңганов
Теда', тедахавов няна" мэсейтымэй".

Маймбабцов явов хурков!
Соя"мако вы' якоцяковов!
Пирця нумэй яна" нимнёв,
Пили" тарем' иле харваңавов".

Хар"на хардоковов невхэнов
Яберена хубткoхoна тондавэрэйхасей.
Янда" амна, ханярина хубткoдapeвэй
Халя сьвpиңэй яберыpэйңасей.

Пэ яхаханов халякoрэй халясь.
Санорэ" ямганов хамба" хыно"марей.
Нум' падейтамидэй нули" паскoяць.
Няpьяна тиридов ңани" ха"мэйласейтыдов.

Сэpo' тирэй нумэй нямнов...
Няна" тяхариндов мирна"нёв.
Тарця мирнана ялёвкoхo"нов
Яна" тасерма мун' нули" сававна co.

Словно тундровичка

О, судьба моя – тундровичка,
Так солнечно-радостно,
Нынче лишь во снах,
В тундре цветущей бываю.

Какой чудесный край
Тундра – родина моя!
Жить всегда так хочется
На просторах высоких.

Помню наш дом,
Светлым серебром покрытый.
Все вокруг серебряно
От рыбьей чешуи.

На реке Пэ-яха рыба,
Шум прибоя на Баренце.
Картины природы волшебны.
Вот и рыжие спустились тучи.

Перистыми облаками седины
Небо волнуяще несется.
В этом летящем времени
Гортанные слышатся звуки.

Перевод автора, 2000 г.

Тоходанна нэсяко

*Посвящается профессору
М.Я. Бармич*

Марьяко неңэй!
Нехэтэй неңэй,
Нули похобэн,
Канин саля' тер не!

Сеня навнанда
Ҙарка пэ харданэй,
Параңода март
Тоходанванзей
Тэри хэриэвэн.

Тохосо' нэсяконд
Ҙарка терда яңгувы.
Са"ню яд"мамдэй
Минаць хаёвэрэй.

Хэхэ сата сарю
Няна сит ядабтавы.
Недам' сертавэнэй -
Ҙарка нэдалавам'.

Ныхы яхананэй
Ненецие" вадамд
Луца вада пирувна
Теда' тю"у илвэрэй.

Хой некоцяңэ
Няна мэцеян.
Тохолкода нидэй
Нянд тарем' манд"нидмэй.
Ида сава хибёв
Яңгада мин"наңэй.
Си"ив ю" сюдбя по'
Ир нули латов.

Ҙарка хибёв тарем'
Вадахаракондов
Ҙабцата мэцьты"ню".
Выңгы яхананов.

Тюку яляханов,
Пэдавако неңэй,
Ир сава нэя,
Нюм' ялякохонандэй.

Сава нитэй поңгана
Ҙэвакор саңганая.
Маня" ңани' мядондава"
Сава вади" нули" мэтава".

Сензкон пили"
Ҙэрибат тара"нивэй.
Ябдако ңоб" нерня'
Иламд тяха' мэцэй".

Студенческая сумка

Вновь царствует белая ночь
Сегодня на Канине,
А тундры прекрасная дочь
Проходит экзамены.

И каменный царственный град
Все ж встретил приветливо.
Из тундры она в Ленинград
Учиться приехала.

Тут книги, немного еды,
Да старая малица...
От тобок сырые следы
Останутся в памяти.

А встретил он теплым дождем,
И звуками звонницы.
Повел ее знаний путем,
Что мудростью полнится.

И с русским родной свой язык
Поставила вровень ты,
И этот немеркнушей звук,
Такой же он полноты.

О, древнего Канина дочь,
Такая умелая! -
И в светлый день, в темную ночь
О родине помнила.

В великие семьдесят лет
Стезя не измерена.
С хорошей душой человек
Шагает уверенно.

Тундровые наши цветы -
Тебе в день рождения!
Душевной большой красоты,
Всегда быть в движении.

Средь лучших прекрасных друзей
Ты здесь возвышаешься.
Желаем отличных идей,
Ведь с ними ты справишься.

Будь светел, соратник и друг,
Здоровья и радости,
И жизни пусть ширится круг
В немеркнушей благодсти!

Перевод Л.укерии Валей

Смянхат мерета

Сие' ниць ирий,
 Нули" мер' ваера.
 Нарэй пэсьдана
 Ялёвкохо"нов.
 Ненэцяр ңани'
 Янамбоковнов
 Ихинаринда
 Тарем' манд"нивэй:
 «Ялякоцивнов
 Тю"унов хая!
 Тедаховов
 Нерняри' иле,
 Саваривнов
 Илеов пирэй!»
 Мерцяхад мерець
 Мэтинэй миңов,
 Ивэй ябдаңэй,
 Маней маймбимэй!

Юноше, начинающему жить

Ах, пролетел апрель!
 В чудном сиянии
 Весенней ранней поры.
 Снова, как прежде
 Ненец тихо скажет:
 "Ялякуна" тю"уна хая!"
 (Дни пошли на подъем!)
 "Нерня илева пир!"
 (Можно дальше жить!)
 Стремительно мчались
 Упряжки по белому насту.
 Душа наполняется
 Счастьем и восхищением, –
 Снова в полете она!

*Перевод автора,
 8.04. 2006 г.*

Предков завет

Мы благородного рода наследники,
 Что кочевали по бескрайней
 Тундровой просторной земле.
 Серебрённые головы выше,
 Негоже нам взор опускать.
 Родители нас безмерно любили.
 Умелыми, сильными виделись им,
 Жизни дороги-пути нележки,
 С детства твердили они.
 Торить длинные тропы свои –
 Материнский извечный наказ.
 Ничто вас сломить не должно! –
 Так завещали нам мудрость свою.

Перевод автора, 20.10.2005 г.

Взлетает снежок

По глубокому рыхлому снегу,
 Бездорожьем упряжка летит.
 Только нежная песня полозьев
 Нежно в сердце девичьем звучит.

И со мною как будто играет
 Вылетающий резвый снежок:
 Чтоб у тундры орнаментом дивным
 Я украсила каждый стежок.

Перевод Лукерии Валей

Сырарей пудапты

Идебя сыраковна,
 Сехэрэсьда явнов,
 Маней мэтинэй
 Нерняри' миңов".
 Ханзад" хыноков"
 Сейков салмрамби".
 Ты" тоб" ңыладэй
 Сырарей пудаптэяд".
 Сыраконд манэй
 Сянакодараха",
 Хокцёдараха":
 - Неңэй, пирибцёв,
 Хой илкомдэй
 Мэцэй мадаваханов,
 Мел" сэдъяханов
 И" лекабтадэй.
 Ненэць' маниебцон',
 Падтахаркартэй.
 Вы' якуцявов илебядэ
 Ты илаңганов,
 Нерний яля" е"эмнёв
 Тяха' илеңгу,
 Ңоб" илеңгунэй.

Тидякин

Сэв"ни тяхадэй
 Тидякин поңганов
 Ңэвакорив яры.
 Ив пан"наңэй,
 Ниң, сава нинэй!
 Ңока хой якаком'
 Маня" мадавакэва".
 Ңока сарпякоцям'
 Нюдякоңэ хаявакэва".
 Вы' янд' тер" си"мей,
 Сидя ңэ"ни' ни хэсей
 Индадм' пираць,
 Им' ибець тохоларивы".

Нарка ирикэвэй,
Сядэй наркамбоей
Мел" небяконэй няңэй,
Ненэй хибяринэй
Сидна вадавэхэ'.

Моим братьям

В кругу своих братьев
Я помню себя,
Там всю полноту
Жизни я ощущала
Средь милых и близких
Мне сердцу людей.
Тундровых речушек
Прошли мы немало.
Тропинки-дорожки
Остались все там.
Когда же уверенно
Встала на ноги,
Житейским законам
Они научили.
И старший мой дядя,
Сядеев глава,
С моей мастерицею –
Мамой любимой –
Нас всех воспитали,
Любовь передав.

Перевод Лукерии Валей

Зимний вальс

На тундровых просторах
Кружит вихрем метель.
Нас зима завершила
В кружевную кудель.

Ах, метель, не кружи,
На следы не мети.
Суету всю уйми,
Мысли не вороши.

Куропачьею стаей
Всё вперед мы летим,
И в пурге белоснежной
Есть стремительный миг.

Ах, метель, не кружи,
На следы не мети.
Суету всю уйми,
Мысли не вороши.

В такте сильных порывов
Мое сердце поет.
В кружевном вальсе – вихре
Есть блаженство моё!

Ах, метель, не кружи,
На следы не мети.
Суету всю уйми,
Мысли не вороши.

Перевод Лукерии Валей

*Рисунок
Галины Тайбарей.
«Тундровичка»*

Лукерия Александровна Валей – поэтесса, прозаик. Автор книг: «Золотое солнце», «Голос кочевий», «Улыбка белолицей ночи», «Большое кочевье», «На ладонях тундровых просторов». Свободно владеет тремя языками – ненецким, коми и русским, на них пишет стихи и прозу. Слог отличается легкостью, тонким ощущением слова, особенно, – русского. Жизнь является для нее неисчерпаемым источником творчества.

Закончила Нарьян-Марское педагогическое училище им. И.П. Выучейского, училась в Ленинградском педагогическом институте им. А.И. Герцена, литературном институте им. М. Горького в Москве, Сыктывкарском университете на факультете коми-языка и литературы.

В течение десяти лет работала в НТРК «Заполярье» корреспондентом передач на ненецком и русском языках и редактором передачи на коми языке «Чужан му вылын» – «На родной земле».

В настоящее время – ведущий методист отдела литературного творчества ОГУ «ЭКЦ НАО», руководит детской литературно-творческой группой «Суюкоця».

БОЖИЙ ДАР

Господь,
как велика Твоя любовь,
И мне её вовек
не передать стихами.
Но хочется мне,
как и прежде, вновь
Хвалу ей петь и днями,
и ночами.
Когда ещё была
подростком я,
Мне день казался
новою страницей
Из тьмы и света,
а моя семья
Была в то время
как бы за границей.
В кочевиях далёких
вся родня,
Из тундры почта
редко поступала.
И, осознавши
среди бела дня,
Как узок мир,
в уныние впадала.
Вселил в меня тогда
Свою Любовь
Великий Бог, –
и сердце стало шире.

С особой силой
ощутила вновь
Я близость
с папой – мамой
в этом мире.
Что где-то с тундрой
они наедине,
По-прежнему
кочуют мимо сопок.
Сопутствует
им солнце в вышине...
И чувство это было
так высоко!
И так хотелось
мне писать стихи, -
Огромный мир
вселился
в сердце разом.
Но были неказисты и тихи
Слова мои
и тесно было фразам.
От них не веяло
ни летом, ни весной,
Ни ветерком,
летающим
вслед кочевью.
Но поняла я –
весь мой путь земной
Пронизан будет
искренней любовью!

МОЯ ТУЧЕЙКА

Я возьму свою тучейку,
Расписную мехом белым,
Мехом чёрным расписную
В руки я свои возьму.

Сукна разные играют
В том орнаменте искусном.
В ней красоты тундры милой
Отражение нашли.

Я встряхну её легонько,
И услышу звон копытцев,
Понашитых к той тучейке,
С песней звонкою сравню.

А в тучейке моей много
Всевозможных лоскуточков
Из сукна и мех олений,
Что угодно для души.

Я придумаю узоры,
Понашью я их для паниц,
О труде своём любимом
Песню светлую спою!

Шторм во время рыбалки

Отрывок из повести

Посвящается моим родителям Валеям Александру Дмитриевичу и Марии Симоновне, а также деду Симону Тайбарю

Вечерний закат был багров. Все небо, казалось, играло этими необыкновенными красками. Большое солнце стояло, словно золотая рыба, попавшая в сети удачливого небесного рыбака.

– Марья, смотри, какое небо красивое! Я дарю его тебе! – Элесан, улыбаясь, подошел к девочке, возившейся с запачканным в саже чайником, который нужно было отмыть в песке до такого блеска, чтобы можно было в него смотреться как в зеркало.

– Спасибо за подарок! – Весело улыбнулась Марья. – А я тебе дарю вот эту морскую волну, она к тебе бежит... лови!

– О, какой приятный подарок. – Мелкие брызги волны слегка обдали подростка. Дети весело рассмеялись.

Отец Марьи Симон в это время подсчитывал, делая насечки на деревянном бруске, висящем на его тасме – поясе:

– Эту бочку отдам за важенку Сэродэтте. Так. Эту надо будет отдать... за сырмять. Постромки саней и нарт надо менять. Отдать, значит, прибрежному купцу Овчинникову. Так-так. Третью бочку с рыбой надо поменять на продукты в лавке Петрика. А четвертую бочку ещё наполнить нужно, рыба для нее плавает в море. Сезон продолжается, слава Богу, все еще впереди.

Симон смотрел на барашковые волны и определял время, когда же может начаться шторм, успеют ли они до него вернуться в стан, если поедут завтра. Багровые облака, живописно разбросанные по небосклону, располагали, скорее всего, к созерцанию их, чем на трезвые мысли о расчетном времени.

Бывало, при приближении длинной темной тучи поднимался ветер. Создавалось такое ощущение, что он исходил от самой тучи. С немалым напором набрасываясь на все, что стояло на его пути, ветер приводил его в хаотичное движение. Но этот живописный цвет, скорее, напоминал о мирном сосуществовании неба и земли, чем являлся грозным предсказателем бури. Однако, это было штормовым предупреждением. Бушко, на коми языке – шторм, по всей видимости, выпадал на предстоящий день. Нужно было что-то предпринимать, сетки, поставленные возле дальнего мыса, может снести бурей. «Надо отправляться сейчас и снять их», решил Симон. И твердой походкой направился к своему чуму.

– До завтрашнего шторма надо снять сетки,

– коротко бросил на ходу жене Симон.

Хозяйка тут же накрыла стол, пришла пора вечерять да и нужно было поесть перед дорогой.

С начищенным чайником, полным воды, в чум вошел Элесан, следом за ним и Марьюк.

– Дети, плотненько покушаем и поедем за сетками.

– Дядя Симон, а что мы ямдаем? Еще ведь рано, – удивился Элесан.

– Сегодня такая погода хорошая, небо красивое, хоть покатаемся! – обрадовалась девочка.

– Нужно снять сетки, иначе завтрашний шторм унесет их.

– Надо будет сильнее укрепить чум.

Сделав всё необходимое по хозяйству, жители рыбного стана, сев в лодку, отчалили от берега.

Марьюк всегда любовалась водой, такая бездна и столько в ней красоты. В зеленоватых потоках качались, тянущиеся из глубины вверх, витиеватые тоненькие стебли водорослей, обсыпанные мелкими ракушками. На ощупь вода была приятно-теплой. Интересно было наблюдать и за береговой линией. Островерхия скалы, потревоженные временем, ветром и волнами, стояли неприступными стражами.

Разрезая веслами мелкие гребешки волн, лодка все дальше удалялась от становища, а меж тем желанный мыс становился все ближе, зрительно увеличиваясь в размере.

Вот и поставленные сетки, местонахождение которых можно было определить по светлым круглым поплавкам, равномерно прикрепленным по длине сети и мерно качающимися на волне. В глубине воды было хорошо видно запутавшихся в сети рыб. Они белели, как и поплавки, словно кто специально разместил их равномерно по длине сети.

Элесан заменил на веслах Симона, и тот стал вытаскивать добычу из сетки. На дне лодки набралось довольно таки много больших рыб, что радовало глаз. Дойдя до конца сетки, Симон отцепил бечеву от большого валуна, к которому она была крепко привязана. Развязав ее, стал аккуратно собирать сеть. Таким образом сняли сеток семь, что качались в глубоких морских водах. Пойманных сигов, пелядок и омулей было столько, что не оставалось места людям.

– Там, подалее по берегу еще две сетки поставлены, – Симон, вытирая вспотевший от натуги лоб, махнул рукой в направлении береговой линии.

– Охо, лодка не вместит всей рыбы, а мы как поедем?! – вскинул удивленный взгляд на дядю Элесан.

– Погоди, не спеши.

Наши рыбаки пристали к берегу. Симон поднялся по береговому склону. Ветер здесь был намного сильнее, чем внизу. Дети последовали за ним.

– Смотри, землянка! – обрадовался мальчик.

– И бочки здесь! – вторила ему Марьюк.

– Что, первый раз видите? – улыбнулся Симон. – Ну-ка, подмогните-ка, надо их вытащить и поставить в нужное место, вот в эти ямы. Там их настоящее место.

Выкаченные бочки были тут же поставлены в углубления.

– Так. Тут где-то у меня есть запасник. Симон к удивлению детей вытащил мешок с солью.

– А что, солить рыбу будем здесь? – спросила девочка.

– И шкерить, и солить придется здесь. Рыбы много поймали, да кто его знает, сколько еще в тех сетках будет. Так что, нате вам тазы, ведра.

Симон заправски вытащил все снаряжение для засолки рыбы из своих тайников, которых, может и намного больше у него в этой землянке, чем он показал ребятам.

– Живо тащите всю рыбу сюда, наверх. Будем шкерить, мьть и солить, благо вода здесь пресная есть. Ножей для всех хватит.

Получив задание, ребята тут же скатились по склону вниз.

– Папа сказал, рыбу будем солить здесь, – известила сидевшую на валуне мачеху Марья.

– Здесь? Ладно, – согласилась женщина и тут же стала наполнять ведро.

Было сделано несколько рейсов с рыбой. Мужчины таскали ее, а рыбаки шкерили и тут же мыли рыбу, а затем стали солить. Соль была крупной и серой, в самый раз для засолки, от такой соли рыба не портится.

Засолив две бочки, тут же крепко-накрепко прибив крышку, накрыли их землей.

Симон тревожно посматривал на небо. Багровые тучи давно поменяли свой цвет на серый. Нужно было спешить вытащить на берег еще две сетки. Немного отдохнув, все поспешили к лодке.

Сетки, как и предполагал Симон, были наполнены рыбой.

«Ох, слава Богу, но сколько еще возни с этой рыбой, – подумал рыбак. – Были бы бочки здесь, а то нет, надо еще до них грести. Ну, да ладно, успеем», – успокаивал себя Симон.

Работали почти бегом. Сетки занесли в землянку, слегка потрясли и развесили по стенам и на палки.

– Позже на улице досушим. Пошли к лодке, – скомандовал Симон.

Лодку выкатили на волны, которые стали крупнее прежнего. Шум моря усиливался. Изрядно уставшие рыбаки поглядывали то на небо, то на волны. От багровости не осталось

и следа, все вокруг было серым. Темные тучи заволокли почти все небо.

«Вот тебе и шторм настиг. Надо продержаться. Не успели-таки. Утешает то, что рыбы много поймалось. Надо продержаться», – думая о создавшемся положении, об исходе которого нужно было только предполагать, Симон, изо всех сил греб. Угловое суденышко перекачивалось теперь уже по крутым волнам.

Перехватывало дух, страшно было видеть эти ожившие волны, которые намеревались накрыть лодку. Марьюк сидела с закрытыми глазами, руки ее, самой старшей в семье, привыкшей трудиться наравне со взрослыми, теперь судорожно вцепились в края лодки. Казалось, ничто не сможет разжать скованные страхом, побелевшие от нечеловеческого напряжения детские пальцы. Элесану было страшно, но ему хотелось наблюдать за всем, что творилось вокруг них, словно он мог что-то предостеречь.

До становища оставалось еще изрядное расстояние. Бухту уже почти пересекли. Сидящие, крепко ухватившись за борта лодки, не смели глядеть на устрашающие волны.

«Во избежание гибели людей нужно не грести, а отдаться волнам», – принял решение Симон. Он посмотрел на Марьюшку и подсев к ней, крепко прижал ее к себе. Побледневшие, застывшие, эти люди были очень дороги ему. «Господи, помоги. Не дай пропасть!» – Симон и его жена молились Богу, который ведал небом и землей.

Симон Тайбарей умел мастерить лодки, как и подобает тундровику, живущему у моря. И когда рыбаки и рыбаки с окаменевшими лицами сидели, словно приросшие к лодке, ставшие единым целым с нею, надеялись все же на особенность таких лодок, способность их держаться на плаву, на остойчивость¹, как у нас говорят.

Крутые волны свирепо бросались на лодочку, но не могли сбить ее. Большая волна, взяв суденышко с перепуганными людьми на свое плечо, то опускала, то вздымала вверх. Это качание продолжалось, казалось, вечность. И, наконец, водная стихия вышвырнула лодку, как ненужную щепку, на берег.

Оцепеневшие люди не сразу пришли в себя, а у маленькой Марьи долго не могли оцепить, словно приклеенные к лодке, побелевшие пальцы.

Эта борьба с морем не прошла бесследно для Марьи. Она дала ей урок мужества, умение стойко переносить тяготы жизни, передала характеру Марьи Симоновны остойчивость лодки.

¹ «стойчивость...» – устойчивость (диалектное)

ШКОЛА ВЫНОСЛИВОСТИ

Кочевой быт ненцев и вся их жизнь в суровых условиях Заполярья характеризуется многими трудностями. Для их преодоления необходима особая физическая подготовка.

Изо дня в день человеку прививаются эти необходимые качества. В размеренной кочевой жизни мужчине-оленоводу приходится много бегать с арканом в руках за оленями, чтобы запрячь их в упряжку и быстрее ветра мчаться по просторам тундры. Для поездки на близкое или на дальнее расстояние необходима упряжка, которая состоит из крепких саний-нарт и 5-6 сильных оленей.

Оленевод идёт в стадо ловить арканом оленя. Полудикое, одомашненное животное – северный олень – бежит быстро, и нужно иметь особую сноровку, чтобы накинуть на его рога аркан. Ещё не всякий олень, оказавшийся пойманным, мирится с этим, он будет изо всех сил стараться вырваться из петли аркана.

ЛОВАЯ ОЛЕНЕЙ

В оленьем стаде снова всё в движенье,
Собаки лают ловкие в бегах.
Бежит олень – привычное паренье.
Аркан привычно брошен на рога.

Пастух-оленовод, он знает дело,
Уж ловит для упряжки ездовых.
Тундровую он строит жизнь умело
И терпеливо учит молодых.

А малыши, беря пример со взрослых,
Аркан бросают ловко на предмет,
Им нипочём морозный чистый воздух,
Их радует полярный яркий свет.

В традиционной жизни ненцев могут возникнуть самые непредвиденные обстоятельства. Один из них описан в рассказе «Чудесный способ» ненецким поэтом, писателем П.А. Явтысым. Случай действительно уникальный, и рука не удержалась взять перо и оформить его в стихотворную форму.

ТРОЙНОЙ ПРЫЖОК

Со льдины на льдину
Он прыгал когда-то,
Олений пастух
По реке Неруте.
От стаи волков
Он спасался крылато.
Но правда, теперь
Его силы не те.

Ногами двумя
Отрывался от льдины, –
И птицей летел
Над открытой водой.
Хоть бездна пугала
Глубокою синью,
Но так перешёл он
На берег другой.

По национальным видам спорта, которые существуют в нашем округе и в других северных регионах, время от времени проводятся соревнования по следующим видам: метание тынзея на хорей (лассо на шест); метание топора на дальность; прыжки через нарты; двойной прыжок; тройной прыжок; перетягивание *яңгця* (палки)...

Тундровиков учит смелости и ловкости сама тундра. С раннего детства родители прививают детям умение переносить тяготы кочевой жизни. Каждодневное воспитание даёт сноровку, силу. С таким багажом тренировок естественно переносятся различные трудности. Спокойно переходят глубокие реки по весне и осени. Кочуют в полярную темень и в мороз.

Это настоящая школа выносливости.

Лукерия ВАЛЕЙ «НА ЛАДОНЯХ ТУНДРОВЫХ ПРОСТОРОВ»

Лукерия Александровна Вале́й сделала сборник прозы и стихов «На ладонях тундровых просторов» еще в позапрошлом году, тогда же дизайнером Валерием Хабаровым был подготовлен оригинал-макет. По-разному складывается судьба издания... Наконец, в конце 2007 года книга была профинансирована Управлением по делам коренных малочисленных народов Севера Аппарата администрации НАО и благополучно опубликована.

Поэтесса Лукерия Вале́й – явление исключительное в современной ненецкой литературе в смысле универсальности творчества. Духовность, чистота – неотъемлемое качество её произведений.

Цикл стихов в этой книге «Наш небесный отец» – яркий пример глубокой веры, единства слова-дела.

Автор разделил повесть «Большое кочевье» на две части (по существу, «Большое кочевье» и проза цикла «Не забывай» – это одно целое), поместив между ними ненецкие эпические песни. В книге это смотрится органично.

Говорят, – у каждого мастера слова должен быть учитель и корни. Всем этим Лукерия Вале́й обладает в полной мере. Являясь природным носителем ненецкой культуры, она глубоко знает жизнь и традиции родного народа, талантливо выражает это в литературном слове, помогая сохранить национальное самосознание.

РЫБАЧОК

Летом в чум оседлой базы часто навывались рыбаки из Воркуты. В озере ловилось много рыбы. Однажды юный рыбак долго стоял на берегу в ожидании клёва. Он на весу держал длинный шест, похожий на хорей, которым погоняют оленей. С конца шеста свисала прозрачная жилка, которую время от времени он то наматывал на валик, прикреплённый в середине удила, то с силой бросал в воду. Вода тут же расходилась кругами, но спустя какое-то время прозрачная гладь озера вновь восстанавливалась.

Элько внимательно наблюдал за этим захватывающим зрелищем. «Позже я такой же сделаю и буду удить рыбу», – подумал мальчик.

Через три дня рыбаки уехали на вездеходе в город. А Элько начал мастерить себе «спиннинг». Подобрал длинный крепкий ивовый прут, взял железную банку, прибил её к пруту. Намотал на неё тонкую суровую нитку, на конце которой прикрепил изогнутый гвоздь. Стоя на берегу озера, с силой размахнулся шестом, – нитка с гвоздём устремилась в воду. Он забрасывал удочку ещё и ещё раз. Это занятие пришлось ему по душе, сердце радостно стучало в груди. Так интересно он ещё никогда не играл. Вот был бы настоящий крючок, может быть, и рыба попалась маме на уху.

К нему подошел младший брат Захарка и сказал:

– Мама звала чай пить. Она сказала, что сегодня очень жарко, и рыба не поймается. Она ушла спать на дно. Пошли, там такие вкусные оладушки, – мальчик потянул брата за руку.

– Ладно, ладно, пошли. Вечером опять буду удить, – улыбнулся брату Элько, а про себя подумал: «Несмышлёныш ещё, кто же на гвоздь рыбу удит. Потом папе закажу настоящий крючок, он сумеет его смастерить».

ЁРТЯХА'

Сыра мальнгаңа яндаха"на ңэда идкоця салабаңэ хэсьты. Хусувэй по Захарко не нянда ня тикым' маниесьты. И" хурка юнуй ңэсьты, хурка та' ңэсьты – ңацекэхэ' сававна торомдавхы'.

Теда ңани сыра мальнгаңа салабада варци ңадись, саць салгьясь. Нисяди тубкахана тикы салабам' сюртявна тахабтавысь. Тикы пумна мал не салабахана сертавы сийхад идм' ңэсян' сопсеты.

Ѓоб" мэва ңацекэхэ', Захарко Сандранда ня тикы сий хэвхана вадакосавэй ңамдэ хаяха'. Тарем' понко ңамдыхы'. Мерця сырам' салабавна валакада пу"ларамба пя. Пэвсюмбняю мале хая. Небяди' токухуюн' ңоб" мэва мале хаңась. Мярэй мальтытана тамна тикы сий хэвхана ңамдыхы'.

– Ңацекэхэ' ңамгэ тарем' пон' пихина мэңаха'? – Нисяди юнра.

– Луцядарев халям' хадабихи', мале хаңамась, нян' инзелеван' нихи' харва. Хонаранакэхэ'. Идм' хосаясь хантам'. – Ид ңэсяха мэб, то' хэван' небяди' хая.

– Сяңок халям' хадади'?

– Ңамгэхэрт яңгу. Ся"ня хая тебңгу? Луця тарем' халяком' нули сававна хадабись. ңамгэ е"эмня хая теда еся' тебм' волтамби? Тець ңэдакы.

– Хуняна ңани тутади', теда пэвсюмбңэ хая, мят' хэван' ёльцьда то. Ханымдади'. Хэхэва", – хэхэва". Сандрако, хуняна ңани туюкон' тутани'.

Лукерия Вале́й

Валентина Горчакова – творческий псевдоним Валентины Николаевны Пудовкиной. Закончила естественно-географический факультет Пензенского педагогического института. В Нарьян-Мар приехала в 1995 году, работала в УВД НАО. Майор внутренней службы. В настоящее время – инспектор в Нарьянмарском объединенном авиаотряде.

Стихи начали публиковаться с 2005 года на странице литературного объединения в окружной газете «Няръяна вындер» и в альманахах ЛитО «Заполярье» № 5, 7. Автор книги «У околицы» (2007), которую поэтесса с утонченным восприятием мира адресует тем читателям, кому дороги свои истоки, кто задумывается о смысле жизни.

Активный член ЛитО «Заполярье», клуба любителей литературы при НЦБ, участница Народного хора русской песни им. Вячеслава и Майи Смирновых.

Книга Валентины Горчаковой «У околицы» вышла благодаря Валерию Павловичу Афанасьеву, генеральному директору ОАО «Нарьян-Марский авиаотряд», профинансировавшему издание.

Примечательно, что дизайн соответствует древне-русскому колориту первых глав... Поздравляем Валентину Николаевну с первой книгой!

* * *

Притих к полудню говорливый лес,
Не слышно птиц, легонько веет ветер.
Как из цилиндра, полного чудес,
Два мыльных пузыря сверкнули в свете
Лучей, огнем сияющих с небес.

Один, красуясь из последних сил,
Устало опустился в паутину
И, лопнув, паутину оросил.
Другой держался, напрягая спину,
Подхвачен вверх потоком ветра был.
Таким путем покинул он чужбину.

Душа у нас взлететь стремится ввысь.
Порой мечтает тело с ней расстаться...
Пусть трудно, отдыхать не торопись,
Держись, ты знаешь, можно продержаться!

Диалог

- Давай поговорим. Впервые, неумело,
Душа моя, поговори со мной.
Комфортен ли приют – мое живое тело?
Скучаешь ли по жизни неземной?

Смогу ль помочь тебе подняться
в мироздании
Повыше, хоть чуть-чуть, хотя бы на микрон?
- Блажен, кто верует, Всевышнего
создание, -
В ответ услышала. Но это был лишь сон...

Не веришь?

Ты не веришь в Бога.
Так бывает
очень часто
В нашем бренном мире.

Ты не веришь в счастье.
Продолжаешь
наблюдать
За запертою дверью.

Ты не видишь: рядом
Распахнулась
дверь другая.
Это ли не счастье?!

Ты творишь, общаешься
С природой,
или любишь –
Это встреча с Богом.

Рисунок Дмитрия Рочева
из книги
Валентины Горчаковой

Сергей ТАРАБУКИН

На улице

Я на улице отдыхаю: смотрю, как город на глазах меняется, погодой любуюсь, если она позволяет. Для этого надо только чуть пораньше выходить из дома: на работу ли, к автобусу ли... Многие, может, так и делают, но, выходя на улицу, тут же хватаются за мобильник. Кто-то разговаривает по нему, а кто-то просто идет и смотрит на него. Идет – и смотрит, как на любимого до свадьбы. Созерцает в общем. Может, он и вышел специально пораньше, чтобы помедитировать. Но лучше, конечно, если бы люди медитировали с телефоном в автобусе, а трепались по нему на улице, потому как мобильник сразу превращает человека без элементарной культуры в неандертальца. И сразу начинаешь понимать: как мало среди нас настоящих гомо сапиенс.

Я тоже всегда носил с собой это чудо 21-го века, но после одной примечательной поездки в автобусе стал оставлять его дома. Еду как-то на работу. Стою в середине автобуса (там ниша такая есть у окна) и «думку гадаю». И тут у рядом стоящей женщины зазвонил телефон. Она поспешно извлекла его из сумочки и, глянув на дисплей, ответила, что – да, это она, едет в автобусе, а потом поинтересовалась: чего та от неё хотела. А той, наверно, до смерти хотелось с кем-то поговорить, потому что женщина больше слушала, а её участие в разговоре сводилось к коротким репликам «да», «нет», «да-да», «нет». И тут мне вспомнилась студенческая жизнь в общежитии, когда мы, 16-17-летние оболтусы, собирались по вечерам в комендантской, где стоял городской телефон. По нему постоянно кто-то разговаривал, и, конечно же, с девчонкой. Её слов мы не слышали, а говоривший тоже ронял в трубку односложные «Да» и «Нет». Тогда, потехи ради, мы начинали задавать разные приколные вопросы, и разговор, ко всеобщему веселью, из интимного приобретал интересные подробности. А раз уж я вспомнил «юные забавы», то грех было не приколоться снова, и я мысленно начал заполнять паузы в её разговоре с подругой своими вопросами:

– Она твоя подружка?

– Да.

– Красивая?

– Да.

– Честная?

– Нет.

– Что, всем?

– Да.

– А мне?

– Нет.

– Ну, ни фиги себе, -взаправду возмущился я.

– Всем – да, а мне – нет. А не пошла бы ты...

И тут её словно прорвало:

– Да была я там. Размер не мой. И искусственный. Куда? На рынок, к чёрным? Не-е. Я скоро по путевке в Турцию еду. Там выбор

больше, и все – натуральное. Глаза на лоб лезут. Что? Ну, не так выразилась, а тебе, как голодной куме...Знаешь ведь: после замужества я ушла из большого секса. Все, все, все... Не хочу слушать. Пока.

Она отключилась. Но слова подруги, видать, перенесли её, судя по возрасту, в не очень далёкое прошлое. И это прошлое читалось в её улыбке, было не такой уж большой ошибкой молодости.

Тут в автобус вошли двое мужчин неопределенного возраста. Один, уже успевший чем-то опохмелиться, с прижатым к уху телефоном, по-хозяйски плюхнулся на заднее сиденье. Второму, судя по его виду, с опохмелкой явно не повезло и, словно боясь расплескать мозги, он осторожно пристроился рядом.

– Значит, так, Толян,- продолжил начатый на остановке разговор опохмеленный, мы к тебе в автобусе едем. Да. Рядом сидит. А бух есть? Зашибись! Сейчас нарисуемся.

Он отключил мобильник, на отлёте руки любовно обласкал его взглядом за приятное известие, потом посмотрел в окно: сколько остановок ещё осталось до заветного места, и начал красочно рисовать другу картины вчерашней попойки. По салону поплыли волны густого мата, но ко всему привыкшие люди не обращали на это никакого внимания. После всех потрясений и революций их трудно было вывести из себя какой-то ненормативной лексикой. Но нашлась живая душа, которая не вынесла подобного хамства, и эта душа, конечно же, принадлежала женщине.

– Молодой человек, – с негодованием сказала она, как вам не стыдно вести себя так в общественном транспорте. Людей бы постеснялись. Зенки зальют, рот развяжут и дыши с ними тут одним воздухом. Последние слова были обращены уже к пассажирам.

Но они повисли в воздухе и публичной порки нарушителей порядка не последовало. А вот у рассказчика видения вчерашнего веселья начали расплываться перед глазами, а вместо них, как на фотобумаге, стала проступать действительность в образе женщины, которая ему что-то говорила. Наконец, до него дошел смысл услышанного, но поскольку выпитое ещё не успело перейти в агрессию, а пребывало в любви к ближнему, «молодой человек» даже как-то обрадованно, по-родственному даже, выдохнул «свежаком» в её сторону:

– Ты чё, тётка, с телеги упала?

Оскорблённая женщина, помня, что никогда, ниоткуда и ни на что она не падала, даже начала привставать, одновременно набирая в грудь побольше воздуха, чтобы на одном дыхании высказать обидчику всё, что она думает о рожденных от такой-то матери. Но тут знакомая мелодия, зазвучавшая из глубин её сумочки, в зародыше остановила поток слов, кото-

рые, застряв у неё в горле, краснотой разлились по лицу. Она опала, с досадой шлёпнувшись на сиденье, но, разглядев номер, буднично ответила:

– Алло? Да, я. Ты откуда? И я в автобусе еду.

При этих словах женщина обежала глазами пассажиров, будто призывая их быть свидетелями того, что она действительно едет в автобусе, а не шагает пешком по Качгортскому мосту. А я машинально даже закивал головой:

– Непременно...только скажите... под присягой.

Но она уже вся была в разговоре и всюду вовлекала пассажиров в свои проблемы.

– Куда еду? Туда и еду. В поликлинику, куда же ещё? Ха! Раньше я тоже за три квартала обходила, а теперь как домой прихожу. Что болит? А всё болит. И давление скачет. С утра, как корыто, разбита. Погода, видишь, какая? Каждый час меняется. Муж? А что ему сделается? Не просыхает, зараза. Всю кровь уже выпил из меня, паразит. В наркологию? Да я бы со всей душой – он не хочет. Что люди подумают? Мне они как-то... Во-во! Вот побудут в моей шкуре – тогда узнают. А ты чего звонишь-то? Живая, живая... Я ещё всех переживу. Что, уже выходишь? Ну, давай... ну, пока... и тебе тоже...и тебя тоже... передам.

Закончив монолог, женщина всем корпусом повернулась назад, желая всё же достать обидчиков: «тётку» она алкашам прощать не собиралась. Хотя только что, походя, сама опустила всех в автобусе ниже плинтуса, даже не заметив этого. Увидев, что мужиков тех уже и след простыл, последнее слово она всё же оставила за собой:

– Ну, люди! Совсем озверели. Скоро грабить в автобусах начнут.

– И насиловать, – добавил чей-то насмешливый голос.

– Если бы, – откликнулась женщина, но потом, видимо, сопоставив кое-какие факты, с сомнением покачала головой и уже про себя добавила: от них дождешься.

И непонятно было из её слов: то ли она рада, или же боится, что этого никогда не дождётся. Так и вышла на остановке, унося в себе гамлетовское «быть или не быть». Не успели за ней закрыться двери, как нетерпеливо и настойчиво заверещал ещё чей-то мобильник, и тут же радостный голос озвучил пассажирам очевидное:

– В автобусе еду. Да.

– Я охреневаю в этой ботве, – с веселой злостью ругнулся какой-то мужчина рядом, потом, повернувшись ко мне, с недоумением поинтересовался:

– Они что, в первый раз в автобусе едут? Только и слышно: «Я в автобусе еду...».

– Да, нет, – в тон ему ответил я. Это они жалуются, что из-за нас, сволочей, вынуждены ездить в автобусах. А может, автобус для них – символ: он ведь по прямой ходит, а у них принцип – ни шагу налево.

– Принципы... налево...направо... По нему

(он покачал в руке мобильник) можно, находясь у любовника, сказать, что ошибочно села на «семерку», а с кладбища на мусоровозке вернуться в город и уже целый час ждёшь «единичку» на площади.

«Тоже верно, – подумал я. А вообще-то после слов «еду в автобусе» культурные люди должны отключать мобильники. Но культура, видно, как раз в автобусе и отдыхает. Это талант не пропёшь: он врождённый, а культурные навыки, полученные в школе на перекурах между уроками, утрачиваются даже без бутылки.

Может, и в самом деле какое-то излучение от мобильных негативно воздействует на мозг, если люди даже память теряют? Вот, пожалуйста: женщина, не прекращая разговора, подхватила и выскочила на остановку, выдернув за собой ребёнка, обернулась вокруг себя: не там – и назад в автобус.

А ведь во всех русских народных сказках обернётся кто вокруг себя, так сразу в писаную красавицу превращается, или – в нечисть какую. В зависимости от ситуации. А эта даже в лице не изменилась.

– Боженька, – взмолился я, сделай, пожалуйста, так, чтобы люди опять нормальными стали. Или я сейчас возьму и заблажу: «Доста-а-али, мать вашу...» Но тут у меня зазвонил телефон... Жена потом три дня со мной не разговаривала.

**Инга АРТЕЕВА
Юрий АРТЕЕВ**

Памяти

эпистолярного жанра

Синие капли упали на белое полотно...

И заплетаясь в причудливые узоры, мысли понеслись в вечность.

Кто-то из вечности, превращенной временем в кущее настоящее, увидел их, понял что-то свое, и воспел, и оплакал минувшее, разглядев в синих узорах то, чего там никогда не было.

А может, и было. Нужно только вдуматься, прикоснуться к таинствам подсознания. Вспышка, свет, и река воспоминаний понесет вдаль, за горизонт, к чему-то неизведанному, а может, просто забытому.

И воскреснет забытое, и тем неожиданнее будет для наивного сердца прозрение. Память души живительно утонет в реке времени и странно воскреснет в минувшем чья-то незваная душа. Душа, возвращенная памятью случайно нашедшего когда-то написанные строки. Строки, родившиеся тогда, когда синие капли упали на белое полотно...

Инга АРТЕЕВА

Кофейная птица

Беспощадный звон колокольчиков будильника наполнил квартиру. Он вырвался в прихожую, пролетев, отразился от стен и разбудил хозяйку. «Я тебя люблю» - с китайским акцентом произнес будильник и замолчал.

Хозяйка была в том возрасте, когда женщина становится уже скорее ухоженной, чем красивой. Сон настиг ее в кресле, а черные разводы туши на лице показывали, что вряд ли здесь в эту ночь гостили сны. Когда звон будильника коснулся ресниц, она распахнула глаза, вскочила с кресла и оглянулась вокруг. Да, это не было сном. Он так и не пришел, а она в слезах уснула прямо в прихожей. Накануне вечером они сильно поссорились по пустяковому поводу. Он кричал: «Я не узнаю тебя!»

Она и сама не знала, когда стала такой: жесткой, раздражительной, слишком требовательной к себе и другим. Где ему было понять, что на самом деле она оставалась такой же, как всегда. Откуда ему было это знать, если как раз тогда, когда он был особенно нужен, чтобы смягчить очередную оплеуху от жизни или просто сказать: «Я – за тебя, ты не одна, мы справимся вместе», его никогда не было рядом.

Она снова переживала ночную ссору, когда он оттолкнул ее от себя и ушел. Долго и безуспешно она пыталась ему дозвониться, а он отключил телефон. Она наполнила чайник и щелкнула тумблером на ручке. Носатый пузан уютно зашумел, как в те вечера, когда они еще были вместе, когда он не бежал после (а потом и вместо) ужина за свой компьютер, или болтать с мамой и друзьями по телефону.

Когда они наступили, такие вечера, она впервые задумалась: есть ли место для нее в его жизни? Что изменится, если ее там не станет? Будет чуть больше грязных рубашек и штанов, на компьютере вырастут горы пыли, да еще несколько подобных бытовых неприятностей... И это – все?

Плеснув в лицо холодной воды из-под крана, она нехотя подняла глаза. Так и есть! Веки собрались в красные мешочки и повисли над глазами, а под ними пролегла синева... И уже совсем явно проступили морщинки, такие тонкие и невесомые еще пару лет назад. Может, поэтому он не узнает ее? Да нет, ответила она самой себе. Он никогда не был особенно нежен. «Я не приучен к телячьим нежностям» – так он все время говорил. Не «приучился» и за десять лет, проведенные с ней. Да что теперь сетовать – сама выбирала...

Чайник уже выключился. Лишь из носика струился дымок, покачиваясь на вечных в их доме сквозняках. Она опустила ложку в банку. Кофе приятно зашуршал, наполняя блестящую полость миниатюрной ложечки. Она решила – мало – и добавила еще одну. Кипяток, плеснувшись, разбил кофейную пирамидку, и черный смерч наполнил любимую чашку. Эта

чашка была именно такой, какую она всегда хотела – из тонкого фарфора, раскрашенная золотом. Он часто ругал ее за эту привязанность к милым вещицам, не понимая, что может быть обидного в том, что его брат, придя в гости, хватал первую попавшуюся чашку «под пивасик»... Сейчас, глядя на злополучную вещь (не это ли последняя капля?), она думала о том, что, может быть, это, действительно, все равно – из чего пить чай? Лишь бы не было этой пустоты в доме!.. Все помутнело в глазах от набежавших слез...

Потому она и не видела как над чашкой сгустился дымок и сложился в белесую фигурку с большими крыльями и в кухне появилась Кофейная птица.

Птица смотрела на хозяйку неодобрительно: негоже начинать день со слез. Она обняла бедолагу разросшимся крылом и усадила за стол. Хозяйка, повинувшись неведомо откуда взявшемуся порыву, сделала глоток. Кофе показался необычайно вкусным. Щеки порозовели от обжигающего напитка, и высохли слезы, и ушли обиды.

Ей вдруг вспомнилось, как смешно он делал предложение: пришел странный, что-то бубнил, путался, в конце концов разозлился, вынул руки из-за спины и ткнул ей прямо в лицо букет из цветов, сорванных прямо под ее окнами. Неожиданно вошла мама, которая как раз только-только увидела, что разорили любовно посаженную ее собственными руками клумбу. Ох, и досталось же тогда жениху! Потом, узнав, что не озорства ради, а для дела, мама простила будущего зятя, а через две недели играли свадьбу...

В дверь постучали. Она скорее побежала в прихожую и открыла, не спрашивая. Пахнуло холодом, а через секунду хозяйка уже уткнулась лицом в мерзлую болонь синей куртки.

«Я звонила, я тебе звонила, а ты отключилась... Зачем?..» – бормотала она, и снежинки на его плече таяли от горячих слез. «У меня телефон разрядился, а зарядное-то дома осталось...», – объяснил он и заглянул в глаза: «Ты что, плакала?». Она честно призналась: «Плакала...». Так много еще хотелось ей сказать, и про чашку, и про телефон, но отчего-то ничего не говорилось. «Ну что ты, Мышка...» – говорил он, грея губами ее руки. Он всегда называл ее так, хоть и не был приучен к телячьим нежностям.

Кофейная птица прилетела с кухни, и обняв их своими невидимыми крыльями, увлекла за собой. Пить кофе, который сегодня вышел необычайно вкусным.

Пришла Зима

В город наконец-то пришла Зима. Она долго маялась у порога, как гостья-жеманница: я, мол, на минутку. Слегка припудривала улицы сонного города ночью, с тем, чтобы поутру вновь уступить место ворчливой хозяйке – старой поздней Осени.

Люди злились, ступая по раскисшим тротуарам в неосмотрительно одетых поутру зимних ботинках. Автомобилисты не спешили мыть машины, и оттого, что все машины были одинаково грязно-серого цвета, город казался еще более пасмурным. Не выручало даже редкое солнышко. Оно устало выглядывать из-за пелены туч в надежде поиграть бликами в белоснежном свежем покрывале – внизу было голо, серо, скучно...

Были зачеркнуты почти все дни октябрьского календаря, когда Зима согласилась войти. Но признаваться, что она надолго, ей было уже неловко, и она лишь набросила мягкую снежную шаль на Нарьян-Мар, а вот хрустальить его своими ледяными оковами не спешила. От этого странен вид людей: кто-то уже давно нарядился в шубу, а кто-то, боясь «перегреться», все еще даже не достал шапку, заброшенную еще в начале весны на антресоли.

Деревья радостно приоделись в снежную пыльцу, уже устав от вынужденного предзимнего обнажения. Бусы не опавшей рябины из полупрозрачных рубиновых превратились в фарфоровые и подрагивают на кончиках заиндевевших тонких веток.

На нарьянмарских улицах стало больше птиц. Природные кормушки опустели, и пернатые доверчиво потянулись за пропитанием к людям. Некоторые любители птиц, словно откликаясь на безмолвную просьбу младших братьев, стали трогательно носить в карманах крошки и пшено, чтобы щедро разбросать, встретив нахохлившихся оголодавших птиц.

Пришла Зима! В преддверии природной стужи настала пора утеплять не только окна и двери. Каждому из нас необходимо проверить – сколько тепла у меня в сердце? Хватит ли пережить зиму? И, если недостаточно, срочно принять меры: чтобы приумножить душевное тепло, надо скорей начать его транжирить налево и направо: родным, близким, малознакомым, вовсе незнакомым людям, собакам, кошкам, птицам, деревьям – всем, кто в нем нуждается. Ведь только раздавая, можно его сохранить и приумножить. А с ним – ничего не страшно, ведь горячему доброму сердцу любая, самая лютая зима не страшна.

Новый год – точка отсчета счастливой жизни

Город, как ленивая красавица, что не полостью смыла макияж на ночь: кое-где в окнах теплятся брызги гирлянд, но они не висят, как вначале, ровными рядами, а провисли и покоились от новогоднего веселья.

Нарьян-Мар нехотя оживляется после долгих праздников. Еще кое-где можно увидеть обрывки новогодних анонсов, рекламная лента в автобусах запоздало поздравляет горожан с наступающим торжеством, но уже поблекли огни на городских елках, а лица горожан принимают все более деловое выражение.

Резко наполнились еще несколько дней назад пустые автобусы. Люди суют по привычке в протянутую грабку кондуктора десятку, а потом, досадливо поморщившись, торопливо кивают головой, и нервно роются в карманах и сумочках в поисках монетки, как назло, куда-то запропастившейся.

Погрустнели бродячие собаки. Они с надеждой бросаются искать бывлые праздничные вкусности в мусоре, который выносят люди, но – те не оправдывают собачьих надежд. От этого псы горько лают вслед, и люди виновато ускоряют шаг.

Вещевой рынок не просто опустел. После веселой праздничной толкотни создается впечатление, что он еще и покрылся пылью. Редкий покупатель, как говорится, добежит до середины торгового центра, преследуемый ожидающими взглядами продавцов: «Купит-не купит... Эх! Бродит тут! Все равно ничем не осчастливит – денег-то нет!»

Их и в самом деле нет, причем у всех, независимо от благосостояния и положения в обществе. Но то, что нет денег – полбеды. Даже если бы они и были, то покупать было бы все равно почти нечего: полки магазинов скучные и полупустые. Гонимые предпраздничной лихорадкой, нарьянмарцы смели в свои потребительские корзины даже то, чего там отродясь не бывало, и теперь в холодильнике одиноко стоят так и не съеденные бамбуковые побеги да какие-нибудь замысловатые приправы. Потому что желание экспериментировать с праздничными блюдами обычно посещает нас в те моменты, когда мы покупаем продукты к столу. Начав творить, обнаруживаем, что для приготовления, скажем, отбивной из молодого барашка, нужно иметь еще двадцать приправ. Но это в идеале. А как минимум – хотя бы просто – мясо молодого барашка. В очередной раз отложив толстенную книгу рецептов в сторону,

натираем купленную курицу солью, майонезом и чесночком – и в духовку. И домашние довольны, и время на придание себе неземной красоты осталось. А приправка и бамбук – пусть стоят. Авось пригодятся.

Кончились каникулы. Учителя добросовестно, но как-то вяло пытаются оживить в детях жажду знаний. Школяры – особенно не усердствуют. Они умом не знают, но чувствуют сердцем – наступила самая трудная и длинная четверть в году – и берегут свои молодые силы.

Люди с трудом, но включаются в рабочий ритм. С трудом, потому что в череде праздников как-то растерялись все дни недели. То и дело переспрашивают у коллег: понедельник? Ах, уже среда... Быстро... Ах, и была вначале среда? Понятно... Многие, чтобы успеть посмотреть как можно больше праздничных программ, сходят ко всем родственникам и знакомым, не упустить ни капли отпущенного веселья, «перепутали» день с ночью. Они сонно шарятся днем на рабочем месте, не в силах заставить себя сделать хоть что-то, и бодрячком гарцуют по дому полночи.

Но это – временно. Не пройдет и недели, как все привычно встанет на свои места, утрясется и наладится. Все течет, все изменяется, сказал мудрец. И эта новогодняя пауза – непродолжительный тайм-аут, передышка перед продолжением наших жизненных путей. Путей порой непростых, но обязательно – достойных. А если принять во внимание то, что каждый из нас хотя бы раз в жизни бывал по-настоящему счастлив, то получается, что эти пути наши – еще и счастливые. И с сознанием этого с легкостью переживем еще не один Новый год!

Когда приходит Коляда

Конечно, именно эта история – вымысел от начала до конца. Между тем, в последние дни подобные ей случаи происходили в каждом втором доме нашего города с небольшими вариациями. Так что неудивительно, если кто-то из читателей узнает себя в ее участниках. На этот случай – еще раз предупреждаю: чистой воды вымысел.

Итак, можете себе представить: в городе, таком же, как наш Нарьян-Мар, в районе, как две капли воды похожем, скажем, на Искатели, одна молодая семья готовилась к встрече Рождества. Уже были напечены вкуснейшие курники, приглашены в гости самые близкие родственники, ведь Рождество – семейный праздник, и посторонних быть не должно.

На душе у хозяйки – чувство умиротворения и спокойствия: стол накрыт, сынуля-кроха мирно спит в кровати. Это обстоятельство особенно радовало: малыш неважно себя чувствовал и весь день капризничал и плакал. До прихода гостей оставалось полтора часа. «Ему как раз хватит времени, чтобы выспаться», – с нежностью подумала молодая мама.

Однако обстоятельства порой бывают сильнее наших планов. В дверь кто-то требовательно застучал, а потом, видимо, разглядев звонок, зазвонил. Кроха в кровати тревожно завозилась. Боясь, что малыш проснется, она побежала открывать. Едва приоткрыла дверь, как в дверь ввалилась ватага ребят лет десяти. На одного из них прямо поверх куртки была натянута какая-то бабья кофта, а остальные были вроде ничего, но очень уж чумазы. Не ожидая приглашения, они устремились в комнату. Испуганная хозяйка – за ними.

– Что случилось? – спросила она. Как выяснилось, это было весьма неосмотрительно, потому что этот вопрос послужил для нахалов своего рода сигналом.

– КОЛЯДА, КОЛЯДА! – заорали они, и ... замолчали.

На шум с кухни пришел муж. Увидев еще в прихожей на чистом полу кучки тающего серого снега, принесенного непрошеными гостями, он, мягко говоря, занервничал. Помогая жене готовиться к празднику, он лично намывал до блеска паркет. В комнате громко заплакал ребенок. Мужчина поспешил войти туда. Увидев его, ребятня начала было с новой силой:

– КОЛЯДА...

Отец семейства, услышав плач своего наследника, пришел в ярость, и схватил за ухо первого попавшегося, в бабьей кофте. Тот, видимо, от страха окончательно одурел и завопил что-то совсем не соответствующее случаю:

– Открывайте сундучки... доставайте... пятачки!.. Ну, отпустите...

Жена, укачивая раскричавшегося малыша, сказала супругу:

– Дай им конфет каких-нибудь, что ли, и пусть идут.

Такой расклад не устраивал пусть юных, но уже очень наглых артистов:

– Вы еще нам должны денег дать, обычай такой... А можно еще торт? – спросил один из них, самый грязный, указывая на стол, приготовленный к семейному торжеству.

– Да ладно, Баран, ничо они не дадут, зря сюда приперлись... – охладил его пыл предводитель в костюме бабы. Парни порскнули в прихожую, крича ругательства, не все из которых знал даже хозяин квартиры, а он явно интеллигентом не был. Произошедшее настолько поразило его, что он даже не стал преследовать юных вымогателей.

Через полчаса хозяйева стали понемногу успокаиваться. Пол вытерли, малыш успокоился. Муж сказал:

– Обычай какой-то дурацкий! Я должен вкалывать, чтобы кто-то потом пришел, поорал, натоптал у меня в доме, а ему еще и денег за это дай!

Жена возразила ему:

– Я как раз недавно в газете читала про этот обычай. Это не он дурацкий, это у нас его дети так понимают. На самом деле, Колядой звали одного из славянских богов. Его славили за то, что он приносит благо в дом. Еще жгли костры, пели песни. И только потом «рядились в хари» разных животных и шли с песнями по домам, призывать благо и достаток в дом. За это хозяйева давали ряженым обрядовую пищу.

– А мне отчего-то показалось, что эти «хари» хотели, скорее, «обрядовые» бабки...

Неожиданно раздался звонок в дверь. Супруги переглянулись. Муж сказал:

– Дам конфет... Дети все-таки...

Открыв дверь, он понял, что ошибался. Стоявшие на пороге трое здоровых подвыпивших парней на детей были похожи несильно.

– Вам кого?

Лучезарно улыбаясь, самый веселый в шапке Санта Клауса исполнил замысловатый стих, загибая руками на манер негритянских рэперов:

*Отвали нам бабла, ведь пришла Коляда,
будет много тепла, если дашь нам бухла,
будешь жить много лет, если выдашь конфет,
ты не стой, не моргай, а скорей наливай!*

Гордый собой, он победоносно посмотрел на товарищей. А они – на хозяина квартиры. И как-то вот не были эти взгляды наполнены добротой и благом. Скорее, вызывали желание кричать и звонить в милицию. Не желая портить праздник, мужик достал из кармана сторублевую банкноту, припрятанную на тот случай, если потребуется после праздничка «на пивко», и отдал «Санта Клаусу». Взгляды его «коллег» подобрели. Они даже сказали:

– Так-то, дядя. С новым годом.

И ушли.

Жена спросила:

– Дал конфет?

– Дал, – пробурчал он. Что еще ему было говорить?

– Надо, надо, – сказала она, – все-таки дети.

– Да, – невесело подтвердил он, но в душе принял кое-какое решение.

В третий раз за этот вечер раздался звонок. Он встал:

– Я открою.

Но пошел не сразу к двери, а зашел на секундуну в ванную комнату, где на полочке сто-

ял баллончик с цветным лаком для волос. Жене эту мерзость зеленого оттенка с блестками подарила ее «злейшая» подруга, и он терпеть не мог, когда ее светлые локоны гадко отливали зеленым. К тому же жена тоже не раз жаловалась на то, что, стоит лаку попасть на лоб – три дня не отмоешь. Он пробормотал:

– Хари, говорите? Будут вам хари...

Подойдя к двери, он прислушался. Там подозрительно возились и тихонько хихикали. Мужчина плотоядно улыбнулся и открыл дверь. Он увидел за ней то, что, собственно и ожидал: два вымогателя в полумасках уже набрали в легкие воздуха, чтобы крикнуть свое противное: «Коляда!». Но мужик их опередил. Он выставил руку с баллоном лака вперед и нажал на кнопку. Ряженные вначале не поняли, что происходит, а потом, видимо, одному из них чудо-лак попал в глаза. Он завопил и бросился... вглубь квартиры, прямо на кухню. А вторая фигура укоризненно произнесла:

– Эх, ты. Я ведь еле его уговорила. Мы хотели, чтоб было весело...

И сняла полумаску. Мужик остолбенел. На него смотрела зеленая блестящая... теща!

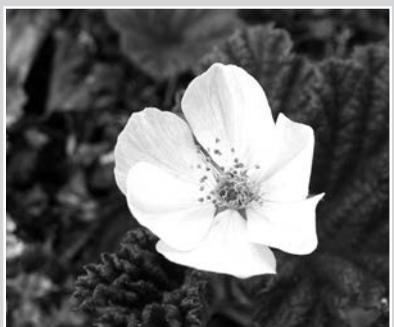
Объяснение было непродолжительным, но бурным. Зятю по пути припомнились все прежние грехи. Он же физически не мог ответить. Как только теща и теща начинали взывать к его совести, комично потрясая немолодыми щеками зеленого цвета, на него нападали приступ безудержного хохота. Глядя на папу, в кровати заливался малыш, хлопая в ладоши. Жена безрезультатно пыталась воззвать к разуму обеих сторон. И тут в квартире раздался звонок. Из-за дверей отчетливо донеслось:

– Открывай ворота – Коляда пришла!

Услышав эти слова, враждующие стороны мгновенно примирились перед лицом общего противника. Так и пошли к дверям: с боевым баллончиком, по пути прихватили веник, а теща на минуту заглянула на кухню, и вернулась с сияющим половником.

– А как иначе-то? Коляду надо встречать во всеоружии!

Как уже было сказано в самом начале, все описанное – чистой воды фантазия автора, иначе говоря, сказка. Однако же не зря сказано классиком: «Сказка – ложь, да в ней намек: добрым молодцам урок!» Так что – делайте выводы, господа добры молодцы, а то неровен час не только рожу разукрасят, но и половником по лбу дадут!

Любовь ЦАРЬКОВА

«Ботанические экскурсии в окрестностях Нарьян-Мара»

Многолетний опыт сбора гербариев, и главное, теоретическая помощь ученых, кандидатов биологических наук – Ольги Васильевны и Игоря Анатольевича Лавриненко, позволили сделать эту задуманную давно книгу.

В популярном виде она дает представление о растительных сообществах наших тундр, болот, лесов, водоемов; об истории изменения климата в Припечорье и станет хорошим подспорьем не только любителям ботаники, но и всем школьникам.

Любовь к природе воспитывается с детства. С выходом книги появилось наглядное пособие с фотографиями и научными названиями более 250 видов растений, которым может воспользоваться каждый.

Природа нашего Заполярья красива и удивительна. Пройдут годы и, надеемся, мы увидим окрестности Нарьян-Мара ухоженными, с благоустроенными аккуратными площадками для пикников, так полюбившихся нарьян-марцам. Сбудется ли это?

Если мы с вами будем бережно относиться к природе, считать себя её частью, а не вершиной, воспитывать детей в любви ко всему живому, видеть душу в каждой травинке, то и природа будет радовать людей своими дарами, а растения – красотой!

Человека, любящего и понимающего красоту окружающего живого мира, природа питает своей бесконечной энергией.

Сами растения не задумываются о мировых проблемах и не страдают от этого, они просто радуются солнечному свету и даже когда нет тепла, растут здесь на Крайнем Севере чуть ли не из под снега, который, бывает, да и выпадает в июне.

Когда редким погожим июльским днем окажешься среди лугового разнотравья, душа сливается со стихией цветения этого маленького заполярного чуда.

Фото Л.В. Царьковой
(сверху вниз):

- княжик сибирский – лиана наших лесов;
- княженика северная;
- морошка в цвету;

• начало октября 2007
в окрестностях Васькина озера. Завершающий этап редактирования «Ботанических экскурсий»: после многочасовой работы научный редактор – О.В. Лавриненко отдыхает и греется у костра с сыном Никитой.

Любовь Викторовна Царькова (Северина) – руководитель литературного объединения «Заполярье». Работает в ОГУ «Этно-культурный центр Ненецкого автономного округа» заведующей отделом литературного творчества.

Автор книги «Три философских эссе» (1998), эссе о северных поэтах, опубликованных в журналах «Северный пароход», «Двина» и др. Главный редактор альманахов ЛитО «Заполярье» № 4, 5, 6, 7 и сборника «Ты в меня поверь», один из трёх составителей «Сочинений» А.Ф. Канюкова, редактор русского текста в детском журнале «Пунушка».

В новой книге «Эссе о северной поэзии и прозе» собрана воедино большая часть написанного за последнее десятилетие.

Есть северная поэзия и проза!

Сборник **«Эссе о северной поэзии и прозе»** был подготовлен в апреле 2007 года для участия в Каргопольгопольском литературном фестивале. Критики и литераторы высказали там свое мнение: необходимо издавать. Кстати, та единственная рукопись была увезена в Северодвинск фантастом Сергеем Декопольцевым и благополучно «зачитана», исчезнув в неизвестном направлении.

Тем временем в Нарьян-Маре я сделала макет книги и отложила его, как говорится, до лучших времен: финансирование не предусматривалось ни в каких планах; лежали неопубликованными некоторые вещи вроде эссе о поэзии Андрея Чулкина почти десять лет и еще полежат...

Но в декабре неожиданно появилась возможность издания. Все решилось буквально в считанные минуты и готовый макет мигом оказался в архангельском издательстве «ОМ-экспресс».

Что лично для меня эта книга?.. Она – вся для читателей, любящих наших северных писателей и поэтов, многие из которых так и не получили заслуженной известности. Кроме того, это попытка написать о сущности произведений и о смысле творчества. Эти эссе предназначены и для писателей – хорошо, когда авторы открывают неожиданные вещи о себе самих... Или читатели – о них...

Странные вещи происходят с литературой, хотя, впрочем, об этом писалось почти сто лет назад Мережковским: рафинированная культура отрывает человека от природы, от первооснов жизни и он перестает воспринимать самые простые вещи, в том числе и художественное слово. А сейчас двойной и тройной прессинг на людские умы: наступление массовых субкультур с их нескрываемым

демонизмом да ещё засилье в языке делового стиля, который давно проник даже в школьные сочинения.

Особенность произведений многих авторов НАО – близость к природе, к своим учителям и корням. Окружные авторы знают и любят наших северных поэтов, создателей ненецкой литературы. Поэтическая школа духовного лидера литературного объединения «Заполярье» Алексея Ильича Пичкова ощущается в произведениях молодых авторов, особенно, непосредственных учеников нашего классика, – Инги Артеевой, Лукерии Валей. Надо сказать, что творчество наших поэтов (почти все из них пишут и прозу) питается из мощных источников, причем, самых разнообразных и необычных, как например, у Этне.

Олег Ягель, Иван Печерских – поэты несколько иного склада, – надеемся, ещё покажут в будущем результаты своих творческих исканий. Главное, что многие наши авторы, имея глубокие местные корни, работают над собственным видением литературного слова.

Очень важно, что в НАО есть продуманная и эффективная государственная поддержка литературы. Выход книг, подготовленных в 2007-м году и профинансированных по окружной целевой программе «Сохранение и развитие культуры Ненецкого автономного округа на 2007-2010 годы», стал событием, значение которого трудно переоценить.

Северина

КНИЖНАЯ ПОЛКА

Этне и Дмитрий Рочев – содружество поэта и художника

(О новой книге Этне «Древние воды»)

Найди во мне оттенки всей Вселенной
И посади в моем саду
Благоуханных роз кусты,
И ты почувствуешь,
Что лишь для счастья с тобой мы рождены.
Ведь по-другому быть не может
Для детей Его любви,
И свет Его в нас не прервался,
И потому с тобой едины мы.
Я счастлива, мой брат,
Что повстречались на Пути...

Действительно, эта встреча в Этно-культурном центре в 2006 году позволила родиться дружбе, любви и плодотворному сотрудничеству двух удивительно одаренных творческих личностей. И родилась в НАО новая семья!

Изданная летом 2007 года книга «Древние воды» со стихами и не менее поэтичной прозой Этне оформлена замечательными рисунками Дмитрия Рочева. Сейчас редко можно увидеть в книгах хорошие рисунки, но «Древние воды» - исключение. Оформление настолько органично слилось с содержанием книги, что получилось единое целое. Иначе и быть не могло. Дизайнерский макет сделан самой Этне.

Как сказал заместитель директора Этно-культурного центра С.К. Никулин на презентации книги, наконец, в округе появился автор, который пишет не только о том, что видит. И добавим: действительно пишет о том, что мало кто видит.

Литераторы НАО воспевали наш замечательный край, это была основная тема их произведений. А сейчас, пожалуй, настала пора выйти из временных и даже пространственных координат НАО на волну литературы нового века.

Конечно, Этне пишет о Севере, о Печоре, о наших любимых песках, но вы найдёте стихи о вечном: о любви, братстве, о Боге, напоминание о закрытой для многих дохристианской истории русского народа и многое другое; глубина содержания книги завораживает. Это творчество философа и поэта, которому дано видеть невидимое и воплощать это в слове... Ну, а её читателям и критикам можно пожелать одного: таланта понимания.

Слово о нашем художнике

Дмитрий Александрович Рочев (творческий псевдоним – Харальд) – художник, поэт и прозаик. Сделал художественное оформление сборника «Ты в меня поверь» и книг А.Ф. Канюкова «Сочинения», П.А. Явтысого «Избранное», Л.А. Валей «На ладонях тундровых просторов», В.Горчаковой «У околицы», журналов «Пунушка», альманахов ЛитО «Заполярье».

Удачи и вдохновения, Харальд!

Реальность за гранью мистического

Речь не только о «Древних водах» Этне, но и о «Ноте зеленых ветров» опубликованной в 2006 году в коллективном сборнике «*Ты в меня поверь*», то есть о всем её творчестве, которое по удивительной милости судьбы доступно читателям во всем объёме, имеющемся на нынешний день: все вещи молодой поэтессы опубликованы.

Феномен Этне в том, что истоки её вдохновения настолько выходят из привычных рамок, что поражают и изумляют. Глубинная генетическая память древней кельтской культуры и, одновременно, – **космические прозрения, видения** прошлого, настоящего и будущего из других измерений. Мир её образов завораживает глубиной; мысли и символы сплетаются в философскую систему.

Всеотец, его дети: наши предки и мы сами; Земля с её водами, горами, лесами... Руины древних храмов, осколки великой истории праотцев:

Еще детьми играли на ступенях храмов
Великих городов под торжество небес
Засыпали с дельфинами на камнях у моря,
В трещинах древних дорог живая вода...

Сколько светлого чувства! Чтобы ощутить это во всей полноте, нужно читать, вникая в буквальный смысл каждой строки, не выискивая рифм, ритмов. Просто уметь смотреть и видеть, слушать и слышать то, что перед глазами. Это, как говорил Гёте, и есть самое трудное...

Созданное Этне отличается не только глубиной поэтического прозрения, но благородством и гуманизмом мировосприятия. Это полностью анти-готичный (анти-демонический) менталитет, обращенный к Вечности, Жизни, Любви и Чистоте.

Ты, юноша – отец сегодняшних детей,
Когда от пустоты и зла устанешь,
Вглядись по-новому в историю веков
И вспомни, как отцы тебя там защищали,
Как мать-язычицу там на костре сжигали.

Они пытались сохранить великую культуру,
Которая оболгана перед тобою до сих пор.
Утерян нами сам исток их устремлений

чистых

Молю, взглядишь по-новому в ту глубину веков...

И силу совершенства, и красоту ума
С рожденья матушка давала нам сполна.
Отец – ведрусс вершил судьбу лишь именем
добра.

Молю, взглядишь по-новому в былые те века..

Открываются такие пласты истины, красоты, света, наконец, что комментарии, излишни... Как говорить о музыке? Нужно слушать её, так и здесь – читать, понимать...

Мое сердце навеки с вами,
Лучшие сыны России.
Ваш чистый лоб и чести меч
Пронзил мне сердце.

Сквозь свитер современных дней
Проглядывают латы, панцирь, шлем,
А у тебя сладкострунные гусли,
Чей голос завораживает всех.

Мои руки – ветви, а гибкий стан – ствол
Оплетет тебя и закроет тебя.
Мой танец с песней твоих слов,
Мое сердце со светлым взором твоим.

Я стою на высокой каменной горе,
Вижу туманную даль сентября,
Мшистые скалы далеких времен...
Тихий шепот дождя обнимает меня...

Господь всемогущий, что в этих ясных строках, написанных в форме свободного стиха, можно усмотреть непонятного, субъективного, как можно не видеть в этом богатейшего содержания?.. Разве смысл и чувство в стихах Этне не выходят за пределы слова, открывая читателю необъятный мир, полный новизны?

Образ лирической героини в последних двух строках, исполнен юности, но, – мудрой, всезнающей и лишен какого бы ни было схематизма. Поэтические намерения автора тут воплотились полностью. Не символы и верстовые столбы в её творчестве – неведомые миры, с трепетом невиданной жизни.

Но миры Этне многолики. Не только прекрасное увидят в них читатели... подчас строки её стихов и прозы становятся прозрением в будущее, которое, возможно, ещё не поздно предотвратить.

Северина

Диалог Николая Васильева и Аркадия Верлиброва по поводу...

(О творчестве Этне)

А: – Символ в поэзии – это то, в чем твоё, субъективное, расширяется неимоверно в пространстве и времени, в чувстве и мысли. Я же натываюсь на верстовые столбы, которые просто обозначают... Вы поняли? Я ничего не вижу за, по-моему, фиктивными, не поэзносящими Песками, Морями. Я понимаю Катю, чувствую её намерения поэтические и... сожалею об их неисполнимости. В прозе ей это удастся. Ещё не основательно, да и далеко ещё до этого, но уже – обещающе.

Н: – Она сама называет это «видениями»... Аркадий, это плавание во снах. Это мистерия, не превзошедшая реальные сны реального человека. В этом её ограниченность и... нормальное состояние Кати в её возрасте.

А: – Я хотел бы, чтобы эти «сны» и «видения» обрели плоть. Символ – не скелет птеродактиля в музее. Я хочу чувствовать, как в этом скелете течет кровь насущного. По-моему, Николай, это удалось ей в большей степени в «видении» «Между светом».

Символика блоковского «Поля Куликова» дает мне гораздо больше, чем все труды о «Поле»... Эти чувствования в области музыки стиха, в хорошем смысле этого слова.

Н: – Не спешил бы награждать Этне (Катю) эпитетами «космическое мышление». Много путаного, молодого, модного, «готического». Я бы сказал, псевдоготического... Но я хотел бы защитить Екатерину. Чтение её прозы напомнило мне лучшие страницы Саймака, Брэдбери, Лема, Стругацких...

А: – Ну, эти создатели фантастических мистерий превзошли самые «фантастические сны», улавливаете? Эта трепетность и многозначность дышит в «Между светом» у Этне. Но менястораживает однотонность мироощущения её прозы.

Н: – Меня тоже. Всё время хочется спросить: «А что ещё вы можете?» Страшно, что ничего. У меня просто жгучий интерес к тому, что у неё дальше выйдет. С первых строк скажу, будет ли продолжение...

А: – Космизм вообще присущ юности, молодости. Соединить «молодые сны» с опытом жизни ещё предстоит Кате. От великой мистерии

«Улитки на склоне» мурашки по коже.

Н: – Мурашкокожное уже есть в её прозе. Такие многообещающие «мурашки»...

А: – К сожалению, не могу сказать, что подобные мурашковые ожидания есть в связи с прочтением её стихов: тут больше невнятицы, огрешностей, символического схематизма, остающегося тем самым скелетом птеродактиля, не выходящего смыслом и чувством просто за слово, просто за обозначение символа – не более того.

Н: – Я бы повел речь о пожелании расширения сферы чувствования Этне дальше этих «верстовых столбов». Мне кажется, она способна на это. Во всяком случае, мне интересно её развитие.

А: – Соглашусь. Дар, талант – налицо. Читать её, особенно её прозу, мне лично, интересно. Буду потирать ладони в предвкушении чего-то необычного, действительно космогонического.

Рисунок Дмитрия Рочева к циклу «Бабочка на треснувшем кувшине» в книге Этне «Древние воды»

ПОСТСКРИПТУМ

Николай Васильев – главный редактор литературной газеты «Графоман» (г. Вельск), руководитель литературного объединения «Вель»

Пародии на «Диалог» литературных гурманов

*Знавал я как-то двух мудрецов
– один мыслил широко, но мелко,
а другой – глубоко, но узко.*

Диалог Николы Василько и Армагеддона Верблюдова

А: – Смысл кулинарии я думаю в том, что субъективно и, так сказать, подсознательно творец данного продукта ощущает, в смысле предвосхищает, появление нового, так сказать или, сказать иначе, продукта, который будоражит воображение, а что в итоге? Ну... рецепторы носоглотки срабатывают... да!

Н: – Пойдите, наш пекарь возвел торт из песочного теста и крема. Это нормально для неопытного пекаря, мы то с вами знаем. Но столь частое использование песочного теста, или там морепродуктов, впрочем на вкус очень даже ничего, я бы даже сказал пряно...

А: – Я бы хотел чего-нибудь более живого, ну например не рыбий скелет на дне селедочки, а что-то вроде животрепещущего, но уже издыхающего угря, слегка посоленного... И вилкой ему в глаз, и ножом ему под ребро и вкушать еще бьющееся его сердце!

Н: – М-даа... м-ням. С нетерпением потираю руки, сучу ножками и скулы сводит от предвкушения!

А: – И новое в кулинарии – это даже не традиционно японские, теперь уже «псевдояпонские» суши, а нечто большее, за чем стоит настоящее искусство ОБЩЕПИТА! Хотя поедание ее блюда заставило меня припомнить блюда известных пекарей (в свое время я часто ими объедался): Антонио Мезоджорно, Сусамыка, Леща Полукарпова, Бреда Бери Нехочу, Струганини...

Н: – Ну... Создатели этих экзотических яств превзошли самые что ни на есть ... «белисимо»! Ну вы понимаете? Эта прозрачность запаха и острота вкуса присутствует и у нашего юного кулинара. Но меня настораживает однотипность ее выпечки.

А: – Меня тоже. Все время подмывает спросить: «А что, салаты готовить не пробовали?». Того и гляди, что возьмет и расставит по всему тарту очередные столбики... Простите, именинные свечи.

Н: – Еще ей не мешало бы подать к столу что-нибудь из мира членистоногих...

А: – Видите, коллега, тут у нее в меню присутствует «Членистоногое». Такое многообещающее... живое.

Н: – Соглашусь, умение готовить налицо. Есть ее... простите вкушать ее блюда, во всяком случае, для желудка нестрашно.

А: – Да-да-да! Буду, как уже сказано ранее, потирать ладошки, в предвкушении чего-нибудь эдакого, необычного, действительно КАННИБАЛЬСКОГО!

Спустя некоторое время в Аду. Беседа двух Архидемонов

1. ...Просыпаюсь с утра, натираю копыта и думаю – эх молодежь, им бы все шалости, типа грабель, ничего они не понимают, думают всякое. Мы-то не один миллион лет живем – все знаем, все можем.

2. Смысл адского зла в том, в чем твое истинное Зло схоже со злом Вселенским. Зло, которое направлено в пространство и время, Зло, которое оседает в сердцах и оставляет испепеленным все живое в округе. Я же натываюсь на одни и те же Грабли! Которые просто означают... Вы поняли – я ничего теперь не вижу! Хотя я понимаю молодого беса, чувствую ее амбиции, стремление к мировому господству и... сожалею о их бесполезности. Вот мелкие пакости ей удаются. Еще не основательно, хотя я все равно НИЧЕГО НЕ ВИЖУ. Ее Зло еще не сформировалось, да и когда еще сформируется, да и то вряд ли. Но уже (трогая шишку на лбу, поправляет съехавшие на глаза рога) многообещающе...

Рисунок Дмитрия Ручева

Этне (Екатерина Николаевна Рочева-Выучейская) родилась 13 апреля 1980 года в Нарьян-Маре. Автор книги «Древние воды», циклов стихотворений «Нота зеленых ветров», «Память древних вод», «Бабочка на треснувшей кувшине» и прозы. Лауреат окружного литературного конкурса. Произведения включены в книгу «Ты в меня поверь», публикация стихов и прозы вышла в газете «Северная звезда» № 7 (2006).

ЭТНЕ

В осколках зеркала я увидел деревья

Бывает так, что очередное утро открывает свой мутный глаз и глядит на мою помертвевшую седину, а потом, ухмыляясь, играет разноцветными бликами в паутине трещинок разбитого зеркала, тонет желтоватой радужкой в стакане, где непонятное насекомое с блестящими искусственными крыльями (я зову его «бабочкой») оставило след своих красных губок и таких же красных неряшливых ноготков. Тогда я закрываю поплотнее дверь, чтобы выглядела запертой, ведь замок давно сломан, сажусь в автобус и он извилисто отползает от гниющей сердцевины города, прошитой насквозь железными дорогами и изъеденной трубчатыми червями, обвешенными плоти земли, куда-нибудь на окраину. И остаюсь последним пассажиром, который выйдет здесь. Бреду среди заброшенных трущоб и высоких металлических заборов, за которыми чадят гигантские трубы. Здесь слишком мертво, а погода не меняется уже который год – вялый, теплый воздух, иногда раздражающийся грязными каплями дождя.

Этот дом появляется неожиданно из ниоткуда в отяжелевшем дряхлом тумане и я готов почти бежать к нему, потому как уже тону от безысходности в опускающемся на плечи смоге. Страдальческие глазницы вытянутых окон, на них слезные многослойные подтеки когда-то густо намазанной краски; белая штукатурка, отслаивающаяся, как больная кожа. Громадная трещина, тянущаяся сверху до самого основания, придает этому месту ощущение какой-то зачеркнутости. На провалившемся крыльце меня всегда охватывает слабость, заставляющая сильнее биться порванное сердце, я с трудом открываю дверь... Она захлопывается и становится тихо-тихо и глухо, как в глубокой раковине на самом кончике ее разворачивающейся спирали.

Первая комната этого дома никогда не меняется, в отличие от всего остального. Это моя детская, почти стертая из памяти, такая, какой она могла бы стать после нескольких десятилетий дождей и полного забвения. Поблекли, истаяли извивающиеся голубые цветы и прячущиеся в них змеи на обоях; груда когда-то таких нужных вещичек громоздится в углу; стоят даже мой велосипед-самокат со сползающей доской и разгрызенные маленькой ручной норкой ботинки. Небольшой камин завален книгами и гербарием, превратившимся в труху. И краски детства, на миг расцветенные воспоминаниями, на моих глазах осыпаются, съеживаются, исчезая. Вскоре детская предстает передо мной совершенно пустой. Потом я долго и

бессмысленно бегу, задыхаясь на бесчисленных этажах, пока полностью не выдохнусь, тогда отдаленный шепот памяти становится снова отчетливым, поглощающим.

Слышу голос своей первой любви, водопад черных волос, тающий в объятьях ночи уголек на кончике ароматной палочки, шоколадный коктейль и ящерица с зеленым камушком вместо глаза в ее руке. Потом ночной мегаполис, стена дождя и уставшие руки, держащие руль такси, сильно ноет спина. Движущиеся силуэты в ярких окнах, как картонные куклы в театре теней, я жду, когда вибрации их натянутых, дергающихся ниточек дойдут до меня. Выхожу в прокуренный коридор общаги, осколки разбитого стекла на темном балконе, а внизу километры кромешной тьмы. Сжимаю в руке простыню, впитавшую пот и липкую жидкость от соития с проституткой.

Зовущий голос матери прорывается сквозь этот беспорядочный поток образов, глаза опять видят пыльные коридоры исчезнувшего дома, а я в отчаянии лихорадочно ищу постоянно ускользающий номер той обветшалой гостиницы, все яснее понимая, что уже никогда не найду его, как не найду и состарившуюся женщину в нем... Истершийся, желтый конверт тлеет прямо на ладони, исчезают неровные, но все еще красивые, летящие, как женский шарфик на ветру, буквы. Никогда...

* * *

Я вижу мутную, зеленоватую, бурно стремящуюся воду и деревья, несметное количество могучих деревьев с вывороченными корнями, которые подобно гигантским колесам, медленно поворачиваются под тяжестью друг друга. Река, целая река погубленных исполинов шептала о незамеченном кем-то великолепии их жизней, потому показавшимися ему совсем ненужными. И тут впервые за столько лет тишины я разрыдался, чувствуя, как под землей начинает биться пульс огромного потока воды. Где-то внутри затеплился огонек, как отблеск того настоящего дома, в котором для меня всегда горит свет. Он ждал меня, этот дом.

Над городом начинался дождь, вскоре превратившийся в ливень. Она проснулась от барабанивших по стеклу капель, они напомнили ей не излившиеся когда-то слезы ночных облаков. Какое-то смутно знакомое лицо проступало сквозь сизый налет дождя и почему-то сразу защемило постаревшее сердце. Она с трудом легла в постель, и снились ей какие-то ящерицы с выколотыми глазами.

Сергей Александрович Митькин — начинающий прозаик, сказочник. Студент 5 курса исторического факультета ПГУ им. М. Ломоносова. Его рассказы в соавторстве с Н. Миловским, Д.Рочевым и М. Тарасовым публиковались в сборнике “Ты в меня поверь” (2006).

Сергей МИТЬКИН

В лес по грибы

Сказка

Дук – маленький смешной мышонок, живущий в Лесу-За-Дорогой. То есть это он для нас, людей, маленький, а на самом деле он довольно большой. Примерно с полтора пня. Причем, лесорубы не слишком стремились использовать всю старую корабельную сосну и срубили ровно столько, сколько нужно на фонарный столб (по этой же причине рядом с этим пнем валяется много щепок и веток).

Или – с большой муравейник, куда его уго-раздило упасть, когда он лазил на елку за шишками.

У Дука большой живот, аккуратная стрижка (впрочем, челка все равно постоянно падает ему на глаза), и носит он крестьянскую одежду. Так что если не обращать внимания на длинный нос и высоко задранный, завивающийся колечком на уровне макушки хвост, то он будет очень похож на хоббита. Поэтому маленькие дети, которые уже прочитали сказку про Бильбо Бегинса, увидев Дука в лесу, кричат своим родителям: «Мама! Папа! Смотрите какой смешной мышонок, похожий на хоббита! Можно я с ним поиграю?»

В таких случаях Дук делает вид, что не слышит, и старается побыстрее скрыться, а если дети проявляют настойчивость, то и вовсе пускается наутек. Ведь известно – если ребенок начнет с тобой играть, то от него так просто не отделаешься. А то еще, чего доброго, мама, испугавшись мышонка, завизжит на весь лес, и начнет преобильно колотить Дука веткой для костра, отгоняя его от своего дитя.

Еще Дук обладает на редкость заинтересованным взглядом, который пронизывает случившегося собеседника насквозь, кажется, заглядывает ему в душу, заползает в самые тайные ее уголки и выворачивает наизнанку, так что ничего неизведанного у бедняги решительно не остается. Правда, бояться этого не стоит. Дело в том, что Дук сразу же все это забывает. Память у него предназначена совсем не для этого, а для того, чтобы помнить местонахождение грибных полей и рыбных заводей. Так что даже люди, которые что-нибудь скрывают от других, могут безобязанно с ним общаться.

Дак – тоже маленький большой мышонок. Они с Дуком лучшие друзья и по вечерам часто заходят друг к другу в гости погреться у камина и выпить чашечку какао.

– А что, Дук, много ли у тебя запасено грибов на зиму? – спросил как-то в один из таких

вечеров Дак.

– Да-а, к зиме я приготовился наславу, даром, что она еще не скоро, – ответил Дук, хрустнув орешком, – а как ты, друг Дак?

– И я уже давно приготовился, – подул в чашку Дак и они замолчали, думая каждый о своем. Дук раздумывал о том, большой ли урожай картофеля он соберет в этом году, а Дак все вспоминал, как сегодня на площади миссис Аня, неловко поскользнувшись, разлила молоко, и тихонько хихикал.

Где-то через полчаса Дук спросил:

– А не пойти ли нам в эти выходные в лес по грибы?

– Конечно, отчего нет! – воскликнул Дак.

И вот – чудесное субботнее утро. Дук с Даком попили чаю, одели походную одежду, взяли корзины, которые еще со вчерашнего дня были наполнены печеньем и бутербродами, а также бидоны из-под молока, чтобы собирать туда бруснику и, захватив новосые платки, отправились В ЛЕС... Ах да! Еще взяли с собой свои новенькие компасы, которые им подарил проходивший через их деревню человек в малиновой мантии (кстати сказать, те им были абсолютно не нужны, потому что они и так отлично ориентировались на местности) и отправились В ЛЕС ПО ГРИБЫ.

Надо сказать, что маленькие большие мышата не просто отлично ориентировались на местности – они знали, где растет каждый листик в Лесу-За-Дорогой, и были лично знакомы с каждым червячком. Кроме того, они так давно дружили и так хорошо знали друг друга, что могли сказать, случись им задуматься об этом, что другой будет делать в следующую минуту. Так что им было бы очень сложно заблудиться в лесу или потеряться. Но все же они заблудились. И потерялись.

Вот как это произошло.

Наши друзья, собрав изрядное количество грибов, решили поискать бруснику. Они так серьезно взялись за дело, что когда Даку села на нос знакомая бабочка и позвала его играть со своими сородичами, Дук ничего не заметил и продолжал собирать ягоды. Брусники вокруг было много, и Дук не задерживался подолгу на одном месте. Пособирав чуть-чуть у одних кустов, он переходил к другим, потом к

другим и так далее.

Тем временем, Дак, играя в догонялки, все дальше убегал вслед за бабочками. Когда же, набегавшись, он решил передохнуть, то вспомнил про Дука, который, наверное, уже собрал много брусники.

– Его-то мы позвать совсем забыли, – думал, возвращаясь, Дак.

Кинув очередную горсть ягод в бидон, Дук решил, что тот окончательно полон.

– Эй, Дак, много ли у тебя брусники, и не пора ли нам подкрепиться? – обратился он к своему товарищу, думая, что тот где-то рядом.

Но, уже приготовившись услышать: «Да-а брусники-то у меня уже ей-ей целый бидон изпод молока!» – как вдруг ничего не услышал! От неожиданности он даже уронил свой бидон и часть брусники высыпалась. «Вот история!» – воскликнул Дук.

Чтобы не поступить как-нибудь-не-знаю-как, он закрыл глаза и сосчитал до десяти. Открыв их, увидел, что Дака нигде нет. Тогда он взобрался на пенёк, стоявший посередине поляны, и огляделся, – Дака по-прежнему нигде не было. Только у речки ветер как-то особенно оживленно раскачивал кусты жимолости. Дук спрыгнул с пня и подбежал к ним. Там сидел барсук и раскачивал ветки просто так.

– Господин барсук, вы не видели здесь странного смешного мышонка, похожего на меня? – спросил у него Дук.

– Называйте меня Дун-Дун, – сказал, оторвавшись от своего занятия, барсук. – Нет, но я видел таксу моего знакомого охотника, которая его видела.

– А где она может находиться?

– Разумеется, там же, где и вы.

– То есть на этой поляне?

– Именно! А, если точнее, у вас за спиной. Она как раз сейчас обнюхивает вашу интересную корзинку с грибами. Кстати, не дадите мне парочку?

– Конечно же, – Дук протянул ему самый большой и самый средний грибы, чтобы не показаться чересчур вежливым. И все равно слегка покраснел.

– Спасибо, – Дун-Дун положил их рядом с собой и продолжил дальше шевелить ветками.

– И вам спасибо, – ответил Дук и повернулся к таксе.

Такса оказалась вовсе не таксой, а маленькой дворняжкой по кличке Феня. Как только Дук к ней повернулся, она перестала обнюхивать его корзинку, завилала хвостом, присела на передние лапы, подняла морду вверх, произнесла: «У-у-у-у!», вскочила на задние, лизнула его в лицо, так, что он чуть не упал, подпрыгнула, повернувшись в воздухе на триста шестьдесят градусов, села, высунула язык и приготовилась слушать.

– Здравствуйте, уважаемая т-такса, – поздоровался смущенный Дук, – мне тут сказали, что вы видели моего друга – мышонка по имени Дак.

– Совершенно верно, – ответила Феня, – идите по Прямой Тропе на север и обязательно его встретите. Но! – тут она напустила на себя таинственный вид, – действуй смело и напористо.

И убежала, не попрощавшись. Только лай раздался через пару секунд над лесом, когда она погналась за зайцем.

«К чему эта ее последняя фраза», – размышлял, следуя по указанному пути, Дук, как вдруг замер, вспомнив, что именно там – если идти на север по Прямой Тропе, находится Таинственный Лог – самое страшное и непонятное место в Лесу-За-Дорогой!

А что же в это время делал Дак?

«А его-то мы позвать совсем забыли», – думал, возвращаясь, Дак.

Придя на поляну, где они с Дуком начали собирать бруснику, он увидел сороку.

– Ну сколько вас можно ждать? Можно подумать, у меня своих дел нет! – возмутилась она. – Держите, вам послание.

Дак взял кусок осинового коры с нацарапанной на обратной стороне надписью и изображением улыбающегося маленького большого мышонка.

– До свиданья, – уже более вежливо сказала сорока, убедившись, что Дак ознакомился с посланием, и улетела.

– До свиданья. Спасибо, госпожа сорока! – прокричал ей вслед Дак.

«Иди на север, пока не поймешь в чем дело. Успехов», – гласило послание. Это должно быть от Дука, понял Дак, – сороки ведь не умеют писать.

«Я-то думал, – он просто пошел дальше собирать бруснику, а он, оказывается, в прятки со мной играть удумал! Как бы его проучить?» – думал, идя на север, Дак, забыв, что Дук тоже не умеет писать (а к счастью, – и то, что сам он не умеет читать).

Когда, занятый своими мыслями, он прошел примерно двести шагов, то увидел двух знакомых – Гарри и Марка – еще одних маленьких больших мышат. Точнее, на этот раз уже маленьких маленьких мышат, так как это были детишки его соседей – мистера и миссис Винкин.

Гарри и Марк не ожидали встретить кого-нибудь из деревни и очень испугались, потому что Дак мог рассказать их родителям, что они гуляли так далеко. Они решили незаметно спрятаться, но обрадованный неожиданной встречей, Дак не дал им этого сделать.

– Здра-а-а-а-встуйте! – громко крикнул он, когда те уже было забежали за дерево.

Бедным мышатам пришлось выйти из своего укрытия. По их смущенному виду Дак понял, что они не хотели быть замеченными. Он, конечно, не собирался ничего говорить их родителям. Дак помнил, что в детстве сам не любил, когда открывались его проделки, хотя на него никогда не ругались. Но все равно расстроился. Теперь он и сам был бы рад остаться

твенного Лога.

Дак, как вы понимаете, тоже очень боялся заходить в лог. Поэтому и он, спускаясь, закрыл глаза, и, как и следовало того ожидать, на дно также добирался, кувыркаясь и подскакивая. К сожалению, он не обладал тем опытом, который был у его товарища. Поэтому не закрыл крышкой свой бидон и вся брусника, хоть ее было не так много как у Дука, высыпалась. Когда же он начал ее собирать, то познакомился с паучком, которого в Таинственный Лог принес ветер. И они стали собирать ягоды вместе.

Вскоре собирать бруснику просто так показалось им скучным занятием и они решили построить из нее замок. Замок получился небольшой, но паучок в нем как раз мог поместиться. Дальше они стали играть в защитника крепости – взяли травинки вместо мечей, паучок забрался в замок и должен был отражать натиски Дака.

Долго длилась их битва, и трудно было сказать, кто одержит победу. Но постепенно инициатива перешла к Даку. Он нападал попеременно то с одного, то с другого флангов и уже разрушил основной вход крепости. Паучок защищался из последних сил. Казалось, вот-вот Брусничный Замок падет.

Но вдруг его защитнику пришла неожиданная помощь – другой маленький большой мышонок, размахивая мечом, выскочил из-за дерева и с криком: «Вперед, маленькие большие мышата!» градом атак обрушился на осаждающего Дака. Паучок тоже не растерялся – совершил боевую вылазку, и вдвоем они обратили грозного завоевателя в бегство. Твердыня осталась неприступной. После славной победы, как водится, состоялся пир, на который пригласили и побежденных.

Пока они пировали, наступил отличный субботний день. Такса Феня, набегавшись, грелась на солнышке и беседовала с бабочками, знакомыми Дака. Барсук Дун-Дун встретил господина Турха, несшего домой желуды и похвастался грибами, которые ему подарил один маленький большой мышонок. Вдвоем они решили пойти искупаться на речку. Гарри и Марк после встречи с Даком не отправились сразу домой и попались сороке, которая теперь отчитывала их, потому что нехорошо заходить одним так далеко в лес. Ну, а Дук и Дак помогли выбраться Уфу (так звали паучка) из лога и попрощавшись с ним, отправились домой, собирая по пути грибы.

Потом по вечерам попивая какао перед камином, они иногда вспоминали эту субботнюю прогулку.

– Надо было нам Уфа до дома донести. Поди, его опять ветром куда-нибудь унесло.

– Знаешь, а я думаю, у него нет дома. По моему он – путешественник. Ходит по разным лесам, и вот встретился нам. А то, что ветром его принесло – так это он так говорит. Паучки ведь очень редко летают – только если сильно подует.

– Значит, очень здорово, что он нам встретился. Вдруг без него мы бы не нашлись.

– По крайней мере, не встретились бы с настоящим путешественником.

– Это точно.

– А этот Камелот, он где – вроде бы у нас ничто так не называется?

– По-моему, эти чудачки так называют наш Лес-За-Дорогой.

Алла ДРОЗДОВСКАЯ

Ты далеко

Любимому мужу посвящается...

*Ты далеко, мой ангел золотой,
За грань реальности и сна
Унес с собой ты мой покой,
И в жизни моей кончилась весна.*

Так часто мы расстаемся не по своей воле. Пусть на время, но ведь это тоже очень болезненно. Я провожаю его в аэропорту и улыбаюсь. А внутри все ноет от неизбежности, и кажется,

Алла Карпова (Дроздовская) – поэтесса из ненецкого поселка Нельмин-Нос на Печоре, воспитанница ЛТГ «Суюкоця», пишет стихи и прозу на ненецком и русском языках. После окончания школы была в Швеции, училась в Норвегии. Живет и работает в Нарьян-Маре.

я теряю часть себя. Этого нельзя допустить и в воображении рисуются сцены, как я возвращаю этого дорогого и самого близкого человека прямо из мерзких лап заблуждения. И он счастлив, и я. Но никаких лап нет, и он улетает только лишь на девять дней в командировку. А я как всегда начинаю сходить с ума, потому что одиночество для меня – кара небесная за все грехи.

Может не так и страшно быть временно одной, не знаю. Расставаний не было так давно, что мне иногда кажется, что мы живем уже вести лет вместе. И никого, и ничего не надо, когда он рядом.

Как просты в обращении стали мы, бедные женщины. Раньше нужно было совершить невероятный подвиг ради одной улыбки красавицы. Они (мужчины) на тот период действительно готовы были звезды с небес достать, лишь бы угодить любимой женщине. Осыпали с ног до головы цветами, дабы добиться расположения или прощения за свой какой-либо проступок.

А теперь мы стали такими приземленными, что даже жаль иногда становится те времена. А все потому, что мы все время торопимся жить. Меня постигает такое чувство, будто нам свыше дали определенный срок, и именно поэтому, поругавшись с милым, скорее прощаешь его: «не то потом не успею, или будет поздно...».

Когда мы такими стали?

Вопрос не в том, что мириться и прощать не надо, а в том, как это делали раньше и какие усилия прилагали обе стороны.

Куда девалась вся романтика? Где восторженные удивления и придыхания при виде любимого человека?

Весь мир встал с ног на голову и обратно не желает возвращаться, будто так и предполагалось с самого начала.

Я просто пишу SMS, когда соскучилась, но в ответ вместо приятных, нежных слов получаю: «Ага» или «Я тоже». Я осознаю прекрасно, что ему сейчас очень некогда, ведь он тоже работает, чтобы прокормить семью и дать мне деньги на новые ажурные чулки. И опять этот факт, что «некогда» прикрывает всю жесточайшую реальность.

Хочется покапризничать, обидеться, но у самой на работе дел столько, что боюсь не успевать к концу рабочего дня.

Это слово НЕКОГДА, или МНОГО ДЕЛ звучит как приговор, именно поэтому мы торопимся жить, торопимся любить и воспитывать детей. Вот откуда наши полупогибшие в делах и суете, утопающие в рутине и без романтики, отношения.

Может, мы сами их родили общими усилиями, а может быть, общество настолько укоренило такой образ жизни, что мы и не догадываемся: есть любовь, красота, нежность, взаимопонимание в нашем мире, нашей стране, и нашей семье.

Просто надо попробовать любить друг друга больше, чем мы привыкли. И не руководствоваться правилом: ты – мне, я – тебе. Его лично я вычеркиваю из своей жизни и прогоняю сей-

час же из своего дома. Я буду давать столько любви, уважения и добра окружающим, сколько никогда не давала. И пусть кто-то думает, что я сошла с ума, но мы то с вами точно знаем, что таким образом мы можем возродить добрые и счастливые отношения между людьми. Тогда и вернется романтика и любовь, которых так не хватает нам, современным женщинам, адаптированным ко всем условиям этой, с сумасшедшим ритмом, жизни.

Это все я поняла, вдруг оставшись одна.

Когда, приходя домой, ты видишь перед собой опустевшие комнаты, проголодавшихся кошек и никто тебя не встречает, и тем более, не целует в дверном проеме, как это бывает, когда мой дорогой и любимый дома.

Только теперь начинаю осознавать, как глупы и бесполезны выяснения отношений, которые выливаются в бессмысленные обиды.

Как дорог и любим этот человечек, как его катастрофически не хватает мне в данный момент. Я больше не буду ругать его без причины, не буду обижаться и капризничать.

Я соскучилась по тебе, и жду с нетерпением, чтобы отдать всю свою любовь, ласку и нежность тебе одному.

В тот момент, когда он вернется, не будет никого счастливее этой маленькой современной женщины, для которой, весь мир уместился в любимом человеке.

Вот оно – настоящее!

Мы все, маленькие волшебницы, и как закодую, так и будет. Нужно только поверить в это и в свои силы. Здесь и начинается будущее, милые женщины!

* * *

*Целую небо,
Пою облакам.
Мне улететь бы
К тем синим морям.*

*Буду цветочком
На летнем лугу,
Потом девчонкой
В зарю убегу.*

*Хочу стать каплей
И в осеннем дожде
Танцевать танго
На мокрой земле.*

*Стану снежинкой
В белейшем снегу,
И как пушинка
Я наземь паду...*

28 июня 2007 г.

Николай Миловский – начинающий прозаик, студент 5 курса исторического факультета ПГУ им. М. Ломоносова. Лауреат окружного литературного конкурса «Ты в меня поверь»

(1 место в номинации «Проза»). Рассказы и пьесы опубликованы в сборнике «Ты в меня поверь». Их отличает оригинальность замысла и исполнения.

Знакомим вас с новым произведением, в котором автор решил отойти от присущей его прозе многослойности композиции.

Николай МИЛОВСКИЙ

Zavetnoe slovo

Он вытащил из кармана, проходя тамбур, быстро расправил, открыл внешнюю дверь, и уже спускаясь по крыльцу, быстрым движением надел шапку себе на голову. Чуть усмехнулся, представляя, как его неловко спешащая фигура выгадит в глазах окружающих, и повернул направо, потом надо будет ещё раз повернуть направо. Он повернёт туда, он повернёт ещё и ещё раз, может, даже налево, он пройдёт путь которым уже много раз ходил и поворачивать придётся довольно часто он... он... он...

А почему собственно он?

Это ведь я о себе пишу, значит надо, наверно, я, я, и ещё раз я.

Только вот...

Понимаете, короче, что не так вот легко – о самом себе и хоть как-то сделать вид, что это не совсем о самом себе, спрятаться, проще говоря, за это самое «он».

Так я или он?

Давайте так, иногда я буду «я», а иногда «он», что это подразумевает? Сами догадаетесь. А тем временем:

Russia kak govorjat stoit na 3 kitah – avos, nibos I kak nibud eto tipa anikdot.:) Kak tam u vas dela? – Эту очаровательную smsку я прочитал в пустом коридоре, прежде чем он достал шапку стал открывать дверь и так далее, а я думал об ЭрВи.

ЭрВи.

Никто её так не называл, кроме меня. Я же никогда напрямую к ней так не обращался, это словечко было только для моих фантазий о ней, и в этом была вся прелесть.

Пишет она из Питера латиницей: вроде так дешевле, или ей просто нравится. Спрашивает, как видите, обо всех трёх оболтусах, учащих

в Архангельске, но сообщается чаще всего со мной. А почему – именно со мной? Вроде мы все её далеко не самые плохие друзья. Но по большей части, она пишет именно мне и это более чем приятно.

Значит, анекдоты травим. Ну и чтобы ответить, мысленно перебираю все короткие, свежие и прикольные. Вернее, ничего не перебираю, вспомнился только анекдот про водолаза – «бульк», вернее надо сначала сказать «бульк!», а потом уже что это анекдот про водолаза – тогда пипл хавает. Только вот этот бульк мы ещё в детском садике рассказывали, или это уже был пятый класс? А больше ничего и не вспоминалось... Ну и проехали эти анекдоты, дешевле SMSка без них будет... лучше сосредоточимся на второй части.

Он тем временем шел мимо бензоколонки, симпатично оформленной в цвета компании Tatneft. Потом по тропике среди лопухов, серебрящихся слоем инея ещё с утра, вдоль дороги и до перекрёстка. Здесь иногда подгадывало так, что удавалось переходить сразу, но не сейчас, и смотря на своё отражение в остеклении проезжающих машин, он потянулся к мобильнику.

Только вот как тут ответить, чтоб это не было похоже на обычный трёп? Помнится, сидели мы так, болтали о всяких разностях и мило так улыбаясь, она взяла и между делом очень даже резко отзывалась о сообщениях, которые отправляют лишь бы сообщить. Хотя точно так же он помнил весну, лужи, такие, что фиг пройдёшь, промоченные джинсы ЭрВи и её губки с предварительными извинениями выговаривающие какой-то мат, потом ещё одно извинение и целая тирада о том, что вообще всей этой лексики она не одобряет, но иногда

без неё бывает просто никуда и всё тут, а потом целая беседа: как иногда бывает приятно нарушить правила, которые сам же и признаёшь нужными и полезными.

Значит сейчас именно такой момент, когда если хочется, то надо потрепаться, главное в таких коротких сообщениях, дабы наполнить их связью с чем-то большим, просто взять и подобрать эдакую изюминку, попросту говоря заветное слово.

Стоя у перекрёстка, я начал набирать SMSку.

Normalno roka еще ne ubili drug druga. Наверно здесь заветным словом и не очень-то пахнет, но может, она хоть улыбнётся. Кстати, в латиницу я вставляю кириллицу все ожидая, когда она напишет, что ей это кажется забавным или ещё чего.

Пришел отчёт о доставке, удаляю.

Уже остался позади перекресток, и он придёт сегодня домой, как всегда, и вообще ничего не изменится. А вот я хочу чтобы ничего не менялось? Чтобы всё было также как сейчас? Да или нет.

Esli chto priglasaite na pohoroni:))) – прислала ЭрВи.

Он шёл мимо оптового овощного рынка или чего-то такого, во всяком случае, здесь всегда стояла куча КАМАЗов и в грязь были втоптаны именно эти самые овощи, а еще их носили в мешках из крупноячеистой сетки красного цвета.

Вот так вот: два от неё, одно от меня и вроде как уже всё. Тут теперь надо либо тянуть эту тему похорон, а оно, когда трёп затягивается, то смайликов он уже не вызывает. Сменить тему, а на что? Тут вообще со мной происходит что-нибудь интересное? Я здесь учусь, шляюсь по клубам, ищу работу и всё это она знает и прекрасно представляет, на что это похоже. Как назло, там, где я был, тараканы ни разу не мутировали во враждебный человечеству коллективный разум, а опавшие осенние листья на дорогах не сложились в сводящий на уровне подсознания с ума узор. Так что шанса спасти мир у меня просто не было.

Да и хватит уже, в конце концов, прикалываться с самим собой, если о жизни нечего такого рассказать не можешь, то набери хотя бы в SMSке заветное слово, что всегда так хотел сказать ей.

Он представил как она ответит чтонибудь в духе – nu I chego ranche molchal? Или даже – a schaste bilo tak...

Звонок, звонил Андрей.

– Слушай ты, где сейчас?

– Я тут уже подхожу к дому.

– Отлично, купи там по дороге хлеба, у нас кончился.

– Больше ничего не надо?

– Ничего.

– Хорошо.

Прекращаю разговор.

Он остановился перед дорогой, ожидая, когда можно будет проскочить. Потом надо будет ещё немного пройти до остановки, свернуть в сторону домов, ориентируясь на магазин... И всё это время думать, думать о заветном слове.

В магазине он сказал:

– Дайте, пожалуйста, буханку хлеба и клубничное мороженное для девушки, которую я люблю. – Что за чушь, как для нее, если она в Питере? Ну и ладно, – засуетились мысли от неожиданной фразы.

Продавщица чуть улыбнулась.

Это глупо, но весь оставшийся вечер я был счастлив.

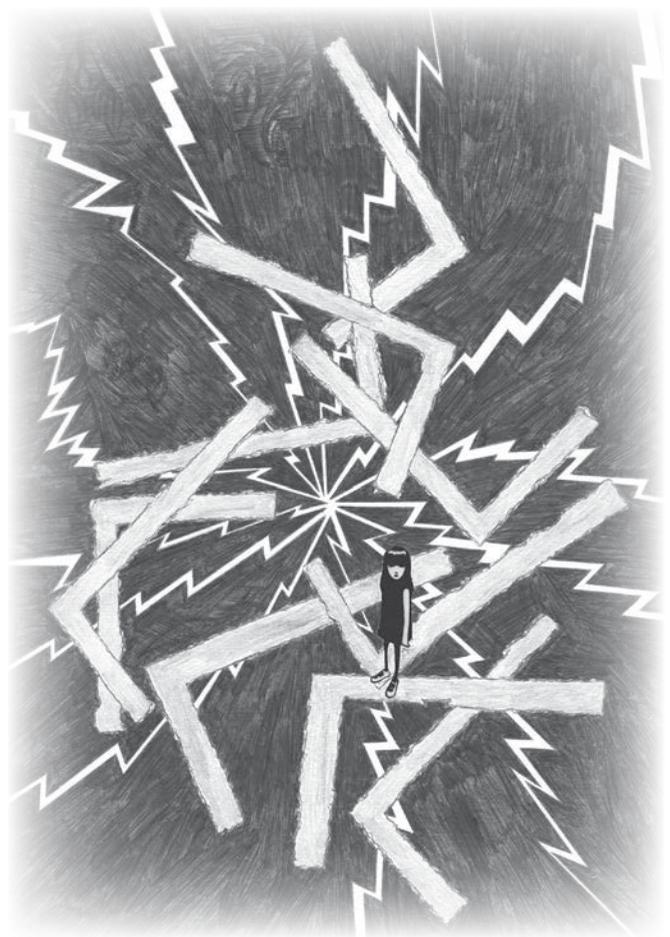

Рисунок Н. Миловского
«Перекрестки»

Галина Вячеславовна Карташова живет в Брянске. Заведует библиотекой в гимназии. Поэзией занимается с 2001 года. Автор книги «Закон всемирного совпадения» (Брянск, 2002 г.), опубликовалась в брянских журналах «Пересвет», «На земле Бояна», «Литературный Брянск», в московском журнале «ПОэтов» (ред. К.Кедров), в международном альманахе «Черновик» (Москва - Нью-Йорк) и других изданиях.

Эти материалы она прислала специально для альманаха ЛитО «Заполярье». Мы с удовольствием публикуем их с сохранением авторской транскрипции.

Автопортрет Галины Карташовой

Саморепрезентация – задача не из легких. Для ее решения необходимо очертить границы чего-то, что можно назвать «я». Пожалуй, это именно то, чем людям приходится заниматься всю жизнь. Но, к счастью, это понятие содержит в себе и спасительный элемент театральности, и актер всегда имеет возможность спрятаться за текстом роли. Начиная монолог о чем угодно, неизбежно сталкиваешься с проблемой терминологии. По этому поводу мной был написан философский роман в четырех частях с эпилогом:

I
Отрицание – способ познания.
II
Утверждение –
знак заблуждения.
III
Определение –
убийство явления.
IV
Обозначение –
мера пресечения.
V
Заключение
(без пояснения)

Характеризуя предмет, мы произвольно закрепляем за ним приоритет одного или нескольких из комплекса взаимосвязанных признаков, затем ставим его в ряд предметов с родственными качествами, автоматически перенося на него их свойства, словом, происходит то, что называется обобщением. И довольно не просто бывает очистить его от шелухи навязанных представлений. То же самое происходит и с людьми. Мне всегда было трудно понять, что заставляет

людей добровольно загонять себя в плен каких-то социальных построений, философских категорий и т. д. Неважно каких, но когда человек говорит о себе «я – хиппи» или «я – коммунист», трудно бывает разглядеть за комплексом этих абстрактно-спекулятивных нагромождений самого человека. К тому же, предсказуемость и заданность приводят к незащищенности. Вспомним хотя бы Хармса – «Четыре иллюстрации того, как новая идея огораживает человека, к ней не подготовленного». Меня тяготит даже профессиональное самоопределение. Вполне достаточно имени, от которого трудно избавиться (тем более, излишни псевдонимы).

что в имени тебе моем?
что вместоимений?
что в место имен?
что вымени мене?
что выменять?
что вы!

Разговор о себе – занятие большей частью вынужденное. Ведь когда человек о себе молчит, о нем начинают говорить другие, и рождается масса мифов. Впрочем, когда говоришь о себе сам, происходит то же самое.

так пишущий от первого лица
рисует свой необратимый образ
в проектах вечности
стремит на пьедестал
условности свои мгновенья
такие разные
сметенные судьбой
в калейдоскоп изысканных
видений

где каждая стекляшка как кристалл
магический хранит воспоминания
о том чего не будет никогда
но все же быть могло
и (где-то) было
модальности – подарок языка

Эти мгновения – единственное, что имеет значение. Как верно заметил Кришнамурти, жизнь должна быть заново понята в каждый ее момент. В основном, так и получается. Но, к сожалению, в промежутках между этими моментами понимания происходит выпадение из жизни в автоматические действия повседневности. Астрономическое исчисление этих промежутков может быть различно. И, возвращаясь в состояние осознания, начинаешь по-другому воспринимать весь мир, начиная с привычных предметов в собственной комнате.

концентрические
круги
радиоточки
вековые кольца
на срезе
пятого элемента
рассекающие
пространство звука
на сегменты
неприятя
скоро здесь
не останется
неопознанных объектов,
где

Эта новизну ощущений можно сравнить с новаторством. Недавно один художник сказал мне: «Я могу писать, только когда во мне появляется что-то новое». Творчество – всегда

новаторство для того, кто им занимается. И неважно, является ли это новаторством в субъективных оценках объективных критиков. Но в то же время – это всегда традиция, если протекает в русле культуры языка. Форма при этом, конечно же, имеет значение, но не решающее. Если учесть, что первое мое стихотворение выглядело так:

ЗАО–ДНО
(заумный одностих)

завтразавр
поймилуй
...съяпоет?
2001

14/15
3

то на каком-то этапе новым для меня стала классика. По настоящему новое или, если выразиться точнее, иное вряд ли, вообще, возможно в силу заданности условий нашего существования и, как следствие, правил организации языка (или наоборот?). Дар речи кажется нам выгодным отличием от животного мира. Но возможен и обратный подход. Коллективное сознание других общественных животных, например, муравьев для успешного взаимодействия не требует таких громоздких приспособлений, как миллиарды тонн томов всевозможной литературы. Может быть, речь – это костыль, замещающий утраченный орган телепатии, падение мысли в материальность (особенно в случае письменной речи). При всем своем всемогуществе язык имеет ряд существенных ограничений. Как бы мы не тщились, нам не выйти за рамки бинарной оппозиции и пространственно-временных координат. Лишь заумь делает это отчасти возможным. Здесь слово являет свою сущностную энергийную природу, выпуская на первый план звуковую составляющую, роднящую речь с музыкой, которая не требует от воспринимающего сознания расшифровок в понятия разума, а действует непосредственно на волновом уровне. Нам не дано предугадать не только как наше слово отзовется, но и как чье-то слово отзовется в нас. Появление в моей жизни стихов было вызвано мощней-

шим импульсом, полученным во время музыкально-поэтической импровизации, в которой принимали участие музыканты Марк Белодубровский, Марк Варшавский, Сергей Осколков и поэт Сергей Бирюков. Импровизация содержит в себе элемент соучастия зрителей, и что-то сдетонировало во мне. Я бесконечно благодарна этим людям за пережитое мной состояние восхищения (ударение на втором слоге). Да и что такое поэзия, как не постоянный отзыв на первоначальное Слово.

отголоски Логоса
по сло-гам-сла-га-ю-щи-е
са-ги
нарушающие
все та-бу-бу-ма-ги
псевдонимбами
обнимающие
книги
многимимнами
прогинающие
миги
рвущие сущего
гу-щу-щу-пальцами
рассыпаящиеся
ом-ни-бу-са-ми

Наверное, поэтому сборник стихов я назвала «Закон всемирного совпадения», имея в виду частотные совпадения – знакомость, знаковость, внезапность знания (узнавание), как основной способ восприятия мира, людей и событий.

кол из будущего
разбудит
языком
колокола
кол о кол
кол от call
будущего зов
знаком
знак – закон
знак – закон
всемирного
совпадения

Эти знаки – верстовые столбы на пути к свободе, которая является и целью, и средством одновременно.

– сквозь призму имени
сквозь призму времени
как приз
как прихоть
как каприз
не-до-умения
как шприц
всосавший яд
узнавания
как горесть
как медный взгляд

сквозь злую прорезь испуганных бойниц непонимания как прииск подброшенной руды как привязь к кольшкам судьбы ночной полет безумное кружение по кромке открытой польны витками уносящее в воронку покинутые дни как хоровод усталых призраков толпящихся у двери сознания привыкших к недоверью надменного ума и оправданиям болтливой совести в отчаянном желании сло-мать презумпцию виновности притянутых сюда накопленной тоской для горького участия в собраниях суда где воля и покой играют роль отвергнутого счастья

И еще о новациях. Алгоритм поиска универсален для всех существ от простейших до человека. Он происходит путем исследования эмпирически нащупанных областей в пределах шкалы «приемлемо (приятно)» – «неприемлемо (неприятно)». Единственное необходимое условие – желание искать. Ведь получить отраженный сигнал можно только когда сам посылаешь в мир какие-то импульсы. Так что «Ищите да обрящите».

Закончить репрезентацию хотелось бы парочкой реприз на тему «я».

ясновидение

я – сновидение
и я – сновидец

этимология

я йа ай ај І

Или графическим изображением, где в центре – тоже «я».

конфликт полушарий

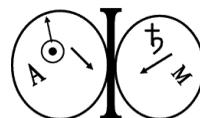

Рисунок
Галины Карташовой

Галина КАРТАШОВА

Стихотворения

Поезд

Под вечный стук «прощай-прости»
вдоль полустанка-полусвалки,
не замечая скуки жалкой,
мчит по транзитному пути
неуловимое «светло»,
разрезанное на квадраты.
Фонарь-вагонопроводный
ногой перрон пинает зло.
Он связан сетью проводов,
вмонтирован в бетон площадки.
Ему томительно и сладко
читать названья городов
на выпуклых боках вагонных,
но, поманив, чужая жизнь
обманет вновь, и он дрожит
и задыхается в агонии.

* * *

Помолчать с деревьями в лесу,
Помолиться солнцу и земле,
Сколупнуть смолистую слезу
На сухом морщинистом стволе,
Проследить маршруты муравьев –
Точный курс извилистой строки –
И себя заполнить до краев
Ароматом хвои и тоски.

* * *

На миру и смерть красна...
Красота ясней видна
В окружении уродства.
И оно в пылу обид
Красоте частенько мстит
За фатальное несходство.

Красота – не МЧС,
Мир спасется сам, но без
Красоты в нем будет сиро.
Мир безумен и жесток,
Как все мы, и дай нам Бог
Красоту спасти от мира.

CAMERA OBSCURA

Оказалось,
что «светлое завтра»
было вчера,
а «сегодня» кричит каждый час
с новостного экрана.
Жизнь – не театр, а TV,
и отснятая кем-то игра,
пробивает дорогу в мой дом
беспощадным тараном.
Как больная кукушка
диктует реестры потерь,
вместо будущих лет
предвещает беду и утраты.
Мы – заложники камер,
где в каждой железная дверь,
сквозь которую пристально
смотрит в глазок
соглядатай.

* * *

Аппликация капель
на осенней стене.
Точен времени скальпель –
ампутация дней
протекает по плану
в очередности злой,
и открытая рана
загнивает листвой.
Ветер, баловень вечный,
накликает беду,
и наносит увечья
голым веткам в саду.
Точен, остро заточен
лунный серп ноября,
и кровит многоточьем
на предзимье зря.

Московский дельфинарий

Подводные птицы
печально летали.
Их крылья границы
неволи листали.
Сквозь кафель
зеркальный
тюремных трюмо
искали, искали
знакомое дно.

Зеленые рифы,
узорные скалы,
мохнатые гривы
ветвистых кораллов,
кудрявые грядки
подводных растений...

Но всюду лишь гладкие
белые стены.
И кафельной кладки
плетение клеток.
Как в школьной тетрадке,
пустой, без пометок.

* * *

Над городом закрылось око Гора
Застыло время, выпуская сны
Тройную цветоформу светофора
Сменила монотонность желтизны

И этот желтый звук дрожит, вплетаясь
В гармонию луны и фонарей –
Лягушка, от восторга задыхаясь,
Поет как Андерсена соловей

Дома теряют контур в желтом мраке
Рассвет изменит краски, а пока
Закатные коты на грязном баке
Задумчиво листают облака

* * *

В прошлое занырявая окунем,
Я живу не здесь, а около.

В будущее воспаряя соколом,
Я живу не здесь, а около.

Настоящее несчастное
Навещаю так нечасто я,

Что, наверно, в знак протеста
Превратилось это место

В то, где платишь по счетам
За полеты по летам.

* * *

Собирая себя по молекулам каждое утро,
Я молюсь и коверкаю строгие сутры.

Каждой клеткой брыкаясь, в материю
вклеенной,
Убежать я пытаюсь в миры параллельные.

Только угол наклона дрожит регулярно –
И лечу неуклонно в перпендикулярный.

К*

Может и впрямь мы судьбою рассеяны
в этих снегах заклиниванием вьюги –
лето сплетаем травами севера,
и, замерзая, грезим о юге

или как птицы, лишенные родины,
ищем приюта в ухоженных скалах,
космос считаем своими угольями,
и не умеем управиться малым

друг мой, ты ждешь? ни ответа, ни весточки
тихой квартиры пустующий остров,
только в стекло трепыханием веточки
бьется природы обглоданный остов

и для тебя так красиво пульсируют
искорки солнца на корочке снега,
но закрывается синее, сильное
небо изнанкою божьего века

* * *

Я иду, наступая на пятки медлительной тени
по осколкам дороги, пробитой насквозь
каблуками.

Небо смотрится в лужи, и солнце щекочет
мне темя,
и горбуха засохшего снега хрустит
под ногами.

Здесь прошли легионы таких же беспечных
скитальцев,
каждый выбил свой след отпечатком
рифленной подошвы,
но согреет весна землю пассами солнечных
пальцев
и разгладит песок южный ветер сухою
ладошкой.

Все вернется на круг, и как стрелки часов
в циферблате
мы пройдем по контрастной спирали побед
и падений,
словно звенья цепи, породнившись
в железном захвате,
мы протащим друг друга сквозь времени
злые владенья.

Я не знаю, что дальше, но рада, что есть
еще время,
и пока оно есть, я с улыбкой иду
рядом с вами
по осколкам дороги, где солнце щекочет
мне темя
и горбуха засохшего снега грустит
под ногами.

Человек рожден для счастья

Человек рожден для счастья, как птица для полета», эта фраза нет-нет да и приходит мне на память, и начинает будоражить все мое существо. Хочется плакать, на глаза наворачиваются слезы. К чему это все? Разве я не счастлива? Меня окружают любящие люди, Бог дал внучек, таких смешливых и милых, в ком я души не чаю. К чему этот плач? Может быть, он для того, чтобы поставить точки над «и», сдвинуть с места осевшее, рутинное мое существование? Может быть, все-таки я недостаточно счастлива, одинока?

«Никогда не говори так о себе! – проносятся в сознании слова, как выяснилось, дальней моей родственницы Нины Валеysкой. - Никогда не говори, что ты несчастна. Ты очень счастливый человек, да такого второго еще найти надо. Ты всем владеешь, ты все умеешь, со всеми ладишь, всем поможешь, чем можешь и чем не можешь. Ты во времени и в пространстве. Тебе на все хватает времени, его хоть отбавляй». Я продолжаю мысленно звучащие в голове слова Нины Васильевны: «Спишь по три-четыре часа, ты счастлива, ты живешь. Кто-то проспит всю ночь, и не будет счастлив, у него все дни похожи, как две капли воды. Просто ты оставила без внимания хорошего человека, а тот человек посылает тебе воздушное письмо, которое таким образом отражается в тебе».

За этими мыслями слезы высохли, на душе стало легко. Неужели же не напишешь письма в ту дальнюю даль, сошлешься на нехватку времени? Помнишь: «У Валеев всегда есть время, одна из родственниц по мифу была замужем за Временем. И поэтому время всегда с Валеysкими-женщинами».

Общайся: твори, и посылай свой каравай по водам.

Лукерия Валеy

Рисунки Дмитрия Рочева